

Г. А. Фоменко

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ РАЗВИТИЯ
ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ**

Г. А. Фоменко

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ РАЗВИТИЯ
ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ**

Ярославль

2014

УДК 504.06
ББК 20.18
Ф 76

Рекомендовано к печати
Ученым советом АНО НИПИ «Кадастр»

Рецензенты:

Аниськина Н.Н., кандидат технических наук,
ректор Государственной академии промышленного менеджмента
им. Н.П. Пастухова;

Никитина Е.Н., кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

Фоменко Г. А.

Социокультурное измерение развития природоохранных институтов. – Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2014. – 96 с.
ISBN 978-5-902637-20-2

Книга посвящена важнейшей проблеме повышения эффективности природоохранной деятельности на устойчивой основе через «настройку» природоохранных институтов на социокультурные особенности территорий. Развитие в последние десятилетия инструментария этнометрики позволяет дополнить традиционные качественные методы институционального анализа количественными культурными измерениями развития природоохранных институтов. Показана целесообразность использования измерений Г. Хофстеде и дополнительного индекса стабильности прав собственности. Книга представляет интерес для всех, кто занимается проблемами устойчивого развития, особенно специалистов в области управления природоохранной деятельностью, институциональной и культурной географии.

Georgy A. Fomenko

Socio-cultural dimensions of the development of environmental institutes. – Yaroslavl: Cadaster Institute, 2014. – 96 pages.

This book discusses the fundamental obstacle to increasing the effectiveness of sustainable nature conservation practice through a “fine-tuning” of environmental institutes regarding geospatial socio-cultural characteristics. The growth in recent decades of a suite of ethnic measurements has led to supplanting traditional qualitative methods of institutional analysis with quantitative cultural measurements to assess the development of environmental institutes. A preference has been shown for using measurements conceived by Geert Hofstede, together with an additional index, the “stability of property rights”. This book will be of interest to all those concerned with sustainable development, in particular experts in environmental management practice, institutional and cultural geography.

ISBN 978-5-902637-20-2

© Фоменко Г.А., 2014
© АНО НИПИ «Кадастр» (оформление), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	10
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ.....	16
КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	21
КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ.....	25
КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ.....	30
ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ.....	34
ИНДЕКС ДИСТАНЦИРОВАННОСТИ ОТ ВЛАСТИ.....	35
ИНДЕКС ИНДИВИДУАЛИЗМА/КОЛЛЕКТИВИЗМА.....	44
ИНДЕКС ИЗБЕГАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	51
ИНДЕКС МАСКУЛИННОСТИ.....	55
ИНДЕКС ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА БУДУЩЕЕ.....	64
ИНДЕКС «СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВ САМООГРАНИЧЕНИЙ».....	67
ИНДЕКС СТАБИЛЬНОСТИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ.....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	80
ЛИТЕРАТУРА.....	88

CONTENTS

PREFACE	5
INTRODUCTION.....	10
CHAPTER 1. THEORETICAL PREREQUISITES.....	16
CULTURAL DIMENSIONS OF MODERNISATION PROCESSES.....	21
CULTURAL DIMENSIONS OF THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONAL SYSTEMS.....	25
CULTURAL DIMENSIONS OF THE DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL SUSTAINABILITY AND NATURE CONSERVATION INSTITUTES.....	30
CHAPTER 2. SOCIO-CULTURAL DIMENSIONS OF THE DEVELOPMENT OF NATURE CONSERVATION INSTITUTES.....	34
POWER DISTANCE INDEX.....	35
INDIVIDUALISM VS COLLECTIVISM INDEX.....	44
UNCERTAINTY AVOIDANCE INDEX.....	51
MASCULINITY INDEX.....	55
LONG-TERM ORIENTATION INDEX.....	64
«INDULGENCE VS SELF-RESTRAINT» INDEX.....	67
STABILITY OF PROPERTY RIGHTS INDEX.....	71
CONCLUSION.....	80
LITERATURE.....	88

ПРЕДИСЛОВИЕ

Постиндустриальная цивилизация 21 века еще только зарождается, и ее развитие непосредственно связано с невиданной ранее глобализацией в экономической и информационной сферах; на этом фоне, как предсказывал еще В.И.Вернадский¹, значительно возросла роль Человека, а наука превратилась в основную производительную силу². Пришло и переосмысление роли культуры в развитии вместе с пониманием, что культурные стереотипы влияют на принятие управленческих решений гораздо сильнее, чем казалось еще совсем недавно, ограничивая и регламентируя диапазон выбора приемлемых решений реальных распорядителей ресурсов. Более того, резко возросшие в последние годы возможности доступа людей к информации (благодаря интернету, телевидению, мобильной связи) проявили, с одной стороны, социокультурные барьеры в восприятии новых знаний, ограничения и специфику их понимания, в отдельных случаях выявляя разрушительную для устойчивого развития сообществ с традиционной культурной роль внешнего для них «информационного облучения». С другой стороны, обозначилась и позитивная роль отдельных культурных кодов, традиций, стимулирующих модернизацию и позволяющих обществу осваивать новейшие технологии и разработки. Поэтому сегодня так важно в планирование развития включить изучение и измерение показателей культурной модернизации.

Понимание того, что устойчивый рост возможен только при опоре на культурные традиции, приводит к переосмыслению основ управления природоохранной деятельностью, осознанию важности выработки новых подходов, ориентированных на включение в нее индивидуумов за счет всестороннего стимулирования их инициативы и творческой активности. Реализация этой цели требует свежего взгляда на сами основы методологии управления природоохранной деятельностью, что предполагает уточнение

¹ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста. – М., 1988.

² В конце 80-х - начале 90-х годов появились новые теории экономического роста, подтвердившие тот факт, что реальной движущей силой экономического прогресса является человек. Эти теории, разработанные такими экономистами, как Пол Ромер и Роберт Лукас, были нацелены на изучение воздействия человеческого капитала на темпы роста стран в долгосрочном плане (Доклад о развитии человека за 1996 год. ПРООН, Нью-Йорк Оксфорд, 1996, 227 с.)

модели исследования процессов в этой сфере с позиций «ответственного поведения», выявление особенностей взаимодействия унифицированных (свойственных для большинства стран) и социокультурно обусловленных природоохранных институтов (формальных и неформальных) в различных территориальных институциональных матрицах. Только внимание к социокультурным основам развития может обеспечить высокую мотивацию индивидуумов к коллективным действиям при достижении общественно значимых экологических целей.

Такой подход³ можно назвать социокультурным, поскольку он ориентирован на включение в природоохранную деятельность мотивации индивидуумов и их локальных сообществ, поскольку именно понимание сознательных и бессознательных устремлений людей позволяет разработать эффективные в различных географических условиях механизмы природоохранной деятельности. Социокультурная методология акцентирует внимание на этических, свойственных каждой конкретной культуре, ценностях во взаимоотношениях общества и природы; выявлении социокультурной доминанты, «стержня развития» локальных территорий; гуманизации методов оценки природных благ и экосистемных услуг и ряд других инструментов. Социокультурная методология предполагает использование специальной группы инструментов, ориентированных на профилактику конфликтов между импортируемыми, характерными для мир-экономики, унифицированными природоохранными институтами и социокультурно обусловленными институтами, которые были выработаны в процессе развития исторически сложившихся форм взаимоотношений Человека и Природы на конкретных территориях.

Даная книга развивает социокультурный подход к управлению природоохранной деятельностью и посвящена важнейшей и слабо исследованной проблеме — измерению воздействия культуры на природоохранные институты, поскольку именно развитие в последние десятилетия инструментария этнометрики позволяет дополнить традиционные качественные методы институционального анализа количественными культурными измерениями развития природоохранных институтов.

³ См. более подробно: Фоменко, Г.А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии. — М.: Наука, 2004. — 390 с.; Фоменко, Г.А. Институциональные ограничения и регламентации управления природоохранной деятельностью // Проблемы региональной экологии. — 2012. - № 6. - С. 208–21 и др.

В работе над книгой неоценимую помощь оказали моя жена Марина Александровна и дочь Валентина Георгиевна Фоменко, которые не только участвовали в исследованиях, результаты которых приводятся в данной книге, в обсуждении выводов, но и взяли на себя значительную долю труда по подготовке рукописи к печати. Книга представляет интерес для всех, кто интересуется проблемами устойчивого развития, особенно специалистов в области управления природоохранной деятельностью, институциональной и культурной географии.

Г.А. Фоменко

Доктор географических наук

*(экономическая, социальная, политическая и рекреационная география),
профессор*

24.12.2013

PREFACE

21st century post-industrial civilisation is still in its infancy, with its growth directly linked to earlier globalisation of the economic and information sectors. As a result, as predicted by Vladimir Vernadsky¹, the role played by humans has increased significantly, while science has been transformed into the major productive driving force². This has been accompanied by a reappraisal of the role of culture in growth, together with the realisation that cultural stereotypes influence management decisions more acutely than was originally thought, limiting and regulating the scope of practical solutions available to resource managers. What's more, the sharp increase in recent years of the public's access to information (thanks to the Internet, television and mobile devices) has created, on the one hand, socio-cultural barriers to the assimilation of the latest knowledge which limit their understanding and, in isolated instances, exert a damaging effect on community sustainable development as a result of traditional, cultural and somewhat alien «information exposure». On the other hand, a positive influence has emerged of different cultural codes and traditions that are stimulating modern-day practices and enabling society to master the latest technology and innovations. Consequently, it is now extremely important for environmental planning to include the study and measurement of cultural modernisation indicators.

The realisation that sustainable development is only possible with support from cultural traditions leads to a reappraisal of the rationale for managing environmental practices, together with an acknowledgement of the need to develop new approaches that will empower people with drive and creative talent.

Achieving such an objective requires a fresh look at the very basis of environmental management methodology, incorporating refined research models of certain processes, focusing on «responsible behavior», as well as at the specific coordination of standardized (characteristic for the majority of countries) socio-culturally orientated environmental institutes (both formal and informal) in different spatial institutional matrices. Only by paying attention to the socio-cultural basis of growth is it possible to create high levels of motivation among individuals for collective action in order to achieve socially important ecological objectives.

¹ Vernadsky, V.I. A few words on the noosphere/philosophical thoughts of a naturalist. Moscow, 1988

² At the end of the 1980s/beginning of the 1990s, new economic growth theories emerged that confirmed that Man was the real driving force behind economic progress. These theories were developed by economists such as Paul Romer and Robert Lucas and were concerned with the study of the impact of human capital on the rate of a country's economic growth within a long-term plan (Paper on Human Development, 1996, United Nations Development Programme, New York, Oxford, 1996, 227 pp)

Such an approach³ can be called socio-cultural in as far as it aims to incorporate an individual's and their local community's enthusiasm for nature conservation work, as well as an understanding that the conscious and unconscious aspirations of an individual enable effective systems for nature conservation practice to be established in different geographical conditions. A socio-cultural methodology focuses attention on ethical values specific to a country's individual culture in evaluating the relationship between Society and Nature, together with the presence of socio-cultural determinants, «the pillar of growth» in local areas; the humanisation of methods for evaluating environmental benefits and ecosystem services, as well as a range of other tools.

A socio-cultural methodology involves the use of a special set of tools designed to prevent conflict between imported, unified, external environmental institutes characteristic of a world economy with socio-culturally orientated bodies that have emerged during the developing historical relationship between humans and Nature in specific areas.

This book develops a socio-cultural approach to environmental management and examines the most important and poorly researched problem of measuring the influence of culture on the work of nature conservation institutes, with emphasis on the development in recent decades of a suite of ethic measures involving additional, more traditional qualitative institutional analysis methods, using quantified measures of cultural dimensions of the development of environmental bodies.

In writing this book, I am deeply indebted to my wife, Marina Alexandrovna, and daughter Valentina Georgievna Fomenko, who were not only deeply involved in its research (the results of which are included in the book) and in discussions on its findings, but also took on the bulk of the work in preparing the manuscript and in dealing with the printing of the final version.

This book will be of interest to all those concerned with the problems of sustainable development, particularly experts in environmental management practice, and institutional and cultural geography.

Georgy A. Fomenko

Doctor of Geographical Sciences, Professor

(Economic, Social, Political and Recreational Geography)

24.12.2013

³ 3Cf: More detail: Fomenko, G.A., Management of environmental practice: The basis of socio-cultural methodology M: Science, 2004 – page 390. Fomenko, G.A., Institutional limitations and regulation of environmental management//problems of regional ecology, 2012, No.6, pp 208-221 and others.

ВВЕДЕНИЕ

Любая деятельность людей зависит от того, во что они верят, а их убеждения, в свою очередь, зависят от культурно окрашенного видения себя и окружающего мира. Институты имеют ценностно-нормативные основания, обусловленные свойственной культуре системой ценностей и убеждений. Поэтому для лучшего понимания трендов развития природоохранных институциональных систем в России важно выявить социокультурную обусловленность этих процессов.

Направления воздействия социокультурных особенностей территорий на институциональные природоохранные изменения в настоящее время мало изучены. Это объясняется тем, что экологическая этика, поведенческая география, экономика, несмотря на существенные изменения в подходах к изучению поведения человека в окружающей среде и наблюдающиеся в последнее время попытки сближения методологий, развиваются в значительной степени независимо друг от друга.

О различиях между культурными стереотипами разных народов, влияющими на формирование и развитие институциональных систем, в том числе в природоохранной сфере, известно с глубокой древности. Ярким примером исследований национальной ментальности на качественном уровне являются работы отечественных мыслителей начала XX века, которые занимались проблемой «характера русского народа». Особую остроту эти исследования приобрели у выдающихся представителей русской послереволюционной эмиграции, которые искали причины «срыва» традиционной русской культуры. Это работы Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова и др.

В последнее время культурная обусловленность проблем развития привлекает повышенное внимание, в частности, в контексте разработки теории устойчивого развития. На крупнейшем в истории Саммите ООН «Рио+20» в 2012 году была признана неизбежность многообразия (прежде всего культурного — авт.) подходов к саморазвитию территориальных

институциональных систем в рамках единого для планеты мейнстрима (mainstream) развития⁴. Во многом это объясняется реакцией на неудачные попытки институционального импортирования из зарубежного опыта, предпринимавшиеся полупериферийными и периферийными странами в стремлении догнать наиболее развитые страны. Как справедливо заметил Дж. Тойнби, «...к сожалению, профессиональные западные советники по управлению переходом посткоммунистических государств к рыночному капитализму – экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики – способствовали появлению ложных ожиданий... Они упускали из вида, что весьма сложные структуры законов, институтов и обычаев, которые веками формировались в капиталистических странах, суть важнейшие устои современных рыночных систем» [38, с. 75]. Последнее особенно существенно, поскольку в инструментальном плане управление ресурсами окружающей природной среды⁵ в каждой стране зависит не только от понимания важности установления экологических ограничений и регламентаций развития институциональных территориальных систем, но и от культурных кодов, ограничивающих диапазон выбора приемлемых решений, даже несмотря на существенно расширившиеся возможности получения новой информации (интернет и т.п.).

После «Рио+20» актуализировалась разработка социокультурного подхода к решению проблем реализации глобальных принципов и целей устойчивого развития⁶, который учитывает особенности институционального развития каждой страны. Социокультурная методология управления природоохранной деятельностью⁷ акцентирует внимание на поддержании

⁴ См. итоговый документ Саммита «Рио +20» — «Будущее, которое мы хотим». URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N12/436/90/PDF/N1243690.pdf>

⁵ Ресурсы окружающей природной среды объединяют в себе два понятия: окружающая природная среда и природные ресурсы. Окружающая природная среда — совокупность природных компонентов, оказывающих влияние на качество жизни, условия жизнедеятельности и состояние здоровья человека. Компонентами окружающей природной среды являются атмосферный воздух, воды, почвы, недра, животный и растительный мир. Природные ресурсы — естественные ресурсы, часть всей совокупности природных условий жизни общества, которая может быть вовлечена в процесс общественного производства. (Г.А. Фоменко и др Проблемы и перспективы развития общедоступной статистической базы по учету и оценке ресурсов природной среды // Проблемы региональной экологии. 2013. №1)

⁶ Решение о начале разработки Целей устойчивого развития, которые должны заменить Цели развития тысячелетия, срок которых истекает в 2015 году, принято на Саммите «Рио+20» (2012).

⁷ Социокультурная методология управления природоохранной деятельностью была разработана и предложена Г.А. Фоменко еще в 2002 году, а в 2004 году вышла монография на эту тему. Дальнейшие исследования автора позволили уточнить и расширить представления об институциональных ограничениях и тенденциях развития природоохранного управления.

на конкретной территории оптимального соотношения природоохранных универсальных и социокультурно обусловленных институтов с опорой на моральные ограничения и приоритеты, в основе которых — культурные традиции и социально-экономические условия. До недавнего времени воздействие культуры на развитие стран и народов оценивалось исключительно качественными методами, однако в последние десятилетия наметился прорыв в количественном измерении влияния социокультурных факторов на поведение людей. Появился инструментарий этнометрики, который позволяет реально измерять влияние социокультурных факторов на развитие институциональных систем, в том числе в природоохранной сфере.

Все это открывает новые возможности в исследовании территориальных институциональных систем, включая оценку их состояния и динамики развития, лучшее понимание исторических предпосылок и культурных основ. В прикладном аспекте становится возможным: (1) уточнение социокультурных факторов, от которых зависит результативность применения тех или иных природоохранных институтов в конкретных обществах; (2) выявление с использованием количественных методов факторного анализа, пусть и укрупненное, в сопоставимых индикаторах, влияния культур на экологическую устойчивость; (3) определение диапазона выбора приемлемых решений в сфере природопользования, а также пределов установления природоохранных ограничений и регламентаций развития социоприродных систем, обусловленных ценностными установками, доминирующими в том или ином обществе.

INTRODUCTION

Any human action depends on an individual's beliefs and their conviction is based on a culturally painted version of themselves and their environment. Institutes have value-standard norms that are driven by a common cultural value and verification system. So, in order to gain a better understanding of growth trends in Russia's environmental, institutional system, it is important to identify the socio-cultural conditions associated with these processes.

The concept of the influence of socio-cultural spatial characteristics on institutional dimensions of environmental protection has not received much attention to date. This can be explained by the fact ecological ethics, geographical behaviour (despite important changes in approaches to the study of human behaviour in the environment) and economics, as well as evidence of recent attempts to bring together different methodologies, are all developing to a large extent quite independently from each other.

The differences between various national and cultural stereotypes that influence the creation and development of institutional systems, including the environmental sector, are known to go back a long way. An excellent example of qualitative research into the national psyche was that undertaken at the beginning of the 20th century by a number of patriotic thinkers into the problem of the «Russian people's character». This work was enthusiastically taken up by distinguished, post-revolutionary émigrés, who looked for reasons for the «failure of traditional Russian culture». This research was conducted by Nikolay Berdyaev, Nikolay Lossky, Ivan Ilin, Sergey Bulgakov, Georgy Fedotov and others.

In recent times, the cultural aspect of the problems of growth has attracted increasing attention, particularly in the context of devising sustainable development theories. At the largest ever UN Rio +20 Summit in 2012, there was universal acceptance of the need for a variety of approaches (above all, cultural – author) to the self-development of geospatial institutional structures within a single, universal mainstream growth system⁴. To a large extent, this can be traced to the response to previous unsuccessful attempts to introduce institutional experience from abroad, undertaken by peripheral and semi-peripheral countries

⁴ cf: Final document from the Rio +20 Summit "The future we want"
<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N12/436/90/PDF/N1243690.pdf>

attempting to catch up with the more developed states. As Arnold G. Toynbee quite rightly points out «...unfortunately, the actions of expert Western advisers involved in managing the transition of post-communist countries to free-market capitalism, namely economists, financiers, business leaders and politicians, led to false hopes being raised...They lost sight of the fact that extremely complicated legal, institutional, and customs structures, which had existed in capitalist countries for centuries, were the main bedrocks of modern-day market systems». [38, page 75].

Finally, it is particularly important to understand that a country's natural environment resource⁵ management plan not only depends on an appreciation of the value of setting ecological limits and regulating the growth of an institutional spatial system, but also on cultural codes, which restrict the range of practical responses, despite the ever-increasing means of accessing the latest information (the Internet, etc.).

Following Rio +20, work resumed on developing a socio-cultural approach to resolving problems associated with the implementation of global principles and sustainable development objectives⁶, taking into account a country's institutional development characteristics. A socio-cultural methodology⁷ for managing environmental work draws attention to a particular area regarding the optimum ratio of environmental, universal and socio-culturally orientated institutes, supported by moral constraints and priorities, the basis of which being cultural traditions and socio-economic conditions. Up until recently, the influence of culture on the development of countries and their people has almost exclusively been measured using qualitative methods. However, in past decades, there has been a noticeable improvement in quantitative measurements of the influence of so-

⁵ Natural environmental resources combine two concepts: The natural environment and natural resources. The natural environment is the sum of natural components that have an influence on the quality of life, living conditions and human health. These components are air, water, soil, minerals, together with the world of animals and plants. Natural resources are naturally-occurring resources, which are part of all the elements that contribute to society's natural living conditions and which could be incorporated into society's production process. (Formenko, G.A. and others: Problems and perspectives of growth using a publically available statistical base to calculate and evaluate natural environment resources// Problems of regional ecology, 2013, No.1).

⁶ Natural environmental resources combine two concepts: The natural environment and natural resources. The natural environment is the sum of natural components that have an influence on the quality of life, living conditions and human health. These components are air, water, soil, minerals, together with the world of animals and plants. Natural resources are naturally-occurring resources, which are part of all the elements that contribute to society's natural living conditions and which could be incorporated into society's production process. (Formenko, G.A. and others: Problems and perspectives of growth using a publically available statistical base to calculate and evaluate natural environment resources// Problems of regional ecology, 2013, No.1).

⁷ Socio-cultural methodology for environmental management was conceived and developed by Georgy Fomenko back in 2002, and in 2004 was the subject of a monograph. Further research by the author has led to the dissemination of views on institutional limitations and development trends in environmental management.

socio-cultural factors on human behaviour. A suite of ethnic measures has emerged that provide a realistic evaluation of the influence of socio-cultural factors on the development of institutional systems, including in the environmental sector.

All this opens up new possibilities for research into area institutional systems, including an appraisal of their condition and growth dynamics, together with a better understanding of their historical background and cultural characteristics. In practical terms, the following options are possible: (1) Clarifying socio-cultural factors that depend on their being effectively measured by an environmental organisation in specific societies; (2) Use of emerging quantitative factor analysis methods, extended to like-for-like indicators, in assessing the influence of culture on environmental sustainability; (3) Agreeing on a variety of practical responses in the area of natural resource use, as well as a range of environmental constraints and regulation of the development of socio-environmental systems, using conditional value mechanisms that are mainly employed in a particular society.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Основатель современного неоинституционального направления экономической мысли Д. Норт в своей Нобелевской лекции «Функционирование экономики во времени» (9 декабря 1993 г.) [30] определил институты как ограничения, структурирующие человеческие взаимоотношения и создаваемые самими людьми. Среди них он выделил формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (нормы поведения, условности, внутренние принципы), а также механизмы, позволяющие контролировать их соблюдение. Институты задают структуру стимулов, действующих в обществе, поэтому политические и экономические институты определяют характер функционирования экономики. Время же, применительно к развитию экономики и общества, — это особое измерение, процесс человеческого познания, обуславливающий эволюцию институтов. Мировосприятие отдельных людей, групп и сообществ, определяющее их выбор, является итогом такого познания, протекающего во времени. Речь при этом идет не о жизни одного человека, поколения или общества, а о длительном процессе накопления опыта, передаваемого из поколения в поколение через культуру и воплощаемого в отдельных индивидуумах, группах и обществах [30].

В настоящее время еще не выработано общепризнанных моделей и понятий, которые непосредственно объединяли бы культурные влияния с природоохранными институциональными системами как на уровне государств, так и на уровне организаций. Тем не менее, существуют достаточные философско-методологические предпосылки для переосмысления основ природоохранного управления. Вызовы третьего тысячелетия, связанные с нарастанием процессов экономической глобализации и с научно-техническим прогрессом, осознание многовариантности будущего, множественности понятий рациональности, социокультурной обусловленности институциональных изменений как важнейшего элемента процесса развития уже сегодня кардинально

меняют пространство и структуру рисков. Не случайно экологические риски все чаще рассматриваются в качестве глобальной угрозы выживанию человечества. Одновременно приходит понимание, что эти изменения не только несут угрозы, но и создают стимулы для развития. Риск-рефлексия предполагает новый синтез знаний о Природе и Человеке, который целесообразно осуществлять на базе теории устойчивого развития, акцентируя внимание на расширении этого понятия в аспекте внимания к социокультурным особенностям территорий и руководствуясь принципами культурного многообразия, культурного изменения, культурного холизма, культурного суверенитета и культурного релятивизма.

Определения культуры многообразны. Применительно к задачам институционального анализа в природоохранной сфере в наибольшей степени подходит определение Гирта Хофстеде (G. Hofstede), согласно которому культуру можно рассматривать как «коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределенности нашего восприятия мира, общую с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающей нас от представителей других наций, регионов и групп⁸». С институциональной точки зрения культура «обладает чертами неформальных институтов по отношению к формальным институтам, таким как законы и контракты» [15]. С позиций социокультурной методологии природоохранного управления целесообразно рассматривать экологическое ценностное воздействие как внешний эффект природоохранных институциональных изменений, а саму природоохранную деятельность — как составную часть процесса устойчивого развития, не отождествляя ее с транзакционными издержками в экономике. В качестве транзакций следует рассматривать только издержки в процессе самой природоохранной деятельности [46].

Развиваемый автором в рамках неинституциональной теории социокультурный подход существенно корректирует методологию привычного анализа природоохранной деятельности и расширяет факторы выбора групп природоохранных институтов, наиболее подходящих для конкретных социокультурных условий конкретной территории. Например, для природоохранного управления особенно значимо определение доминирующих групп

⁸ Hofstede G. Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. URL: www.geert-hofstede.com/geert_hofstede_resources.shtml

природоохранных институтов — добровольных или командных, что всецело зависит от традиций организационной культуры. Природоохранное регулирование различается по форме — командно-административное, предполагающее жесткие санкции за нарушение законодательно установленных норм и правил, либо более мягкое, заключающееся в стимулировании экологической и социальной ответственности акторов. Выбор между этими подходами также зависит от социокультурных особенностей конкретных территорий.

Результаты выполненных исследований убедительно показывают, что для понимания трендов развития природоохранных институтов⁹ простых сопоставлений с успешными зарубежными институциональными практиками недостаточно: необходимо выполнение анализа всех возможных направлений заимствования институтов с особым вниманием к социокультурным факторам. В настоящее время принято выделять заимствование (импорт): из собственной истории, опыта и истории институционального развития зарубежных стран, а также из теории [32]. Среди работ, так или иначе затрагивающих эту проблематику, в общем виде можно отметить исследования Д. Норта, Т. Эггертссона, Г. Мюрдала, К. Эрроу, Д. Бьюкенена и Г. Таллока, а также российских авторов — А. Аузана, А. Мау, Р. Нуреева, Я. Кузьмина, А. Шаститко, А. Олейника, В. Волчика, Р. Капелюшника.

Говоря об импорте природоохранных институтов, следует отметить, что даже в общем виде обоснование предпочтения импортируемого института институту существующему не имеет точных методов решения¹⁰. Тем не менее, широко понимаемое импортирование институтов осуществлялось на протяжении всей истории человечества. Поэтому даже при

⁹ Природоохранные институты — это “правила игры” в обществе, или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми с природоохранных позиций. Природоохранные институты включают в себя формальные институты (писанные правила — законы, административные акты и т.п.) и неформальные институты (неписанные кодексы поведения, обычаи, традиции, различные социальные условия). Природоохранные институциональные изменения фиксируют изменения природоохранных институтов и определяют, как общество изменяется во времени в аспекте взаимоотношений с природой, и таким образом являются ключом к пониманию проблем развития. Импорт природоохранных институтов — заимствование, перенос для использования в других условиях. Известны следующие направления импорта институтов: из-за рубежа, из своей истории или истории зарубежных стран и народов, а также из теории. Природоохранные институты или группы институтов часто называют природоохранными механизмами (инструментами), акцентируя внимание на характере воздействия на природоохранную деятельность. Например, природоохранное государственное нормирование, штрафы и иски и т.п.

¹⁰ Наиболее интересны в этом аспекте исследования Рассела Хардина, который предложил теоретически возможные (хоть и не лишённые недостатков) варианты решения. Им были сформулированы два критерия, которые можно применять для выявления предпочтения одного института другому: “взаимная выгода” (mutual advantage) и “улучшение” (melioration) [67, с. 351].

существующем недостаточном уровне теоретического обоснования целесообразно отказываться от анализа эффективности внедрения природоохранных институтов, а следует использовать, где невозможны или затруднены точные расчеты, качественные и экспертно-аналитические методы факторного анализа.

Анализ импортирования природоохранных институтов показывает, что сам процесс всегда находится в подчиненном положении по отношению к процессу выбора импортируемого института, и это предполагает выполнение соответствующей предварительной оценки планируемой эффективности. Такая оценка, которая начинается уже на стадии предварительного анализа, полезна для понимания и самой возможности импорта¹¹. Благодаря информационной революции (интернет, телевидение, связь и т.п.), а также удешевлению и ускорению перемещения людей на глобальном уровне стало возможным существенно повысить качество априорной (предварительной) оценки выбора природоохранных институтов для импортирования. Этому способствует новый инструментарий: оперативно обновляемые метабазы и возможность быстрого ознакомления с лучшими практиками различных стран в режиме реального времени.

Новые информационные возможности оказались не только благом. Д. Норт подчеркивает: «Драматическое снижение информационных затрат в результате использования современной технологии не только обострило проблему несоответствия предсказанных и полученных результатов, но и способствовало возникновению такого типа людей, которые достаточно хорошо разбираются в альтернативных моделях. Возможно, это будет способствовать улучшению решений экономических проблем. Но это лишь малое объяснение тому, почему люди разочаровались в старых субъективных моделях. Гораздо более сложным теперь представляется достижение нового равновесия в условиях быстро меняющихся внешних событий. Мало того, что надо менять формальные правила, должно еще измениться и идеологическое мировосприятие экономических агентов. Кроме того, информация может давать неоднозначные сигналы, которые будут интерпретироваться

¹¹ Следует учитывать, что даже положительная предварительная оценка не может гарантировать успех импорта вследствие невозможности учета всех факторов, характеризующих особенности территории импортирования, в первую очередь социокультурные (авт.).

по-разному разными индивидами и группами. В результате появляется политическая и социальная раздробленность, а также политическая нестабильность. Например, изменение формальных правил, и особенно прав собственности, должно сопровождаться последовательными неформальными ограничениями и эффективным управлением для достижения желаемого результата. Но нормы поведения, различные соглашения и сами кодексы поведения изменяются очень медленно, кроме того, проводить эти изменения должны, хотя бы частично, и организации, и группы интересов, чьи взгляды остались как бы в прошлом институциональном устройстве» [29].

Таким образом, новые риски развития, связанные с информационной революцией, обусловили потребность в повышении качества анализа стремительно ускоряющегося процесса переноса природоохранных институтов; тем самым был сформирован запрос на новые методологические подходы теории зависимости от пройденного пути «path dependency» (имеется в виду историко-культурная инерция социальных, прежде всего экономических, институтов — [29, 54, 79, 86 и др.] и «QWERTY»-эффекта [59, 60], благодаря которым культурный фактор стал включаться в институциональный анализ процессов развития.

Этими же вызовами объясняется и появление в конце XX века методов количественного измерения культурных стереотипов и ценностей с использованием формализованных методов на основе мониторинговых данных массовых опросов. Как уже отмечалось, важнейшим условием такого развития стало широкое распространение интернета и цифровых технологий. С одной стороны, это облегчило задачу поиска новой информации и нахождения наиболее подходящих вариантов, с другой — превратило саму процедуру отбора в самостоятельную научно-методическую задачу.

Следует подчеркнуть, что новые технические возможности стимулировали выполнение макроанализа микроданных, в том числе отражающих поведение людей в сфере отношений Общество — Природа. Этому способствовало формирование нового направления исследований — этнометрии, рассматриваемой сегодня в качестве важного направления этносоциальных исследований, анализирующей ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математиче-

ских) методов. Этнометрия реализует идею о том, что ценность может быть распределена по измерениям культуры. Наибольшее распространение среди таких методик получили подходы, предложенные Г. Хофстеде [72], которого заслуженно считают основоположником этнометрии, в дальнейшем модифицированные Р. Инглхартом (R. Inglehart) [14, 76, 77, 78], Р. Хузом (R. House) [68], а также кросскультурные исследования С. Шварца (S. Schwartz) [89, 90, 91], культурные синдромы Г. Триандиса (H. Triandis) [93], параметры культур, предложенные Ф. Тромпенаарсом и Ч. Хэмпден-Тернером (F. Trompenaars and Ch. Hampden-Turner) [40], социальные аксиомы М. Бонда и К. Леунга (M. Bond and K. Leung) [57]. Эти методологические разработки были реализованы в ходе международных проектов диагностики ценностей, которые осуществлялись на протяжении второй половины XX — в начале XXI века и охватывают сегодня более 70 стран мира. По результатам опросов определяются и через специальные показатели количественно оцениваются базовые ценности, которые находятся в основе неформальных институтов и определяют ориентацию людей в восприятии разных моделей координации, форм и методов управления.

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Важными для понимания траекторий и институциональных ограничений развития природоохранных институциональных систем в странах и регионах следует назвать исследования социокультурных факторов модернизационных процессов. Это тем более важно на современном этапе нарастания тенденций постиндустриализма, в условиях, когда на развитие стран и народов оказывает влияние глобальный кризис, связанный с существенными изменениями в научно-технической сфере и все возрастающим увеличением затрат на адаптацию к глобальным климатическим изменениям. Большинство исследователей склоняются к мысли, что современный кризис не является только финансовым, а связан именно с переходом к новому инновационному циклу, о чем свидетельствует развитие в последние десятилетия новейших ключевых технологий. Развитие нового технологического уклада оказывает значительное воздействие как на экономические, так и на соци-

альные процессы. Проблема в том, что развитие любой из новейших базовых технологий предполагает изменение институциональной среды; более того, многие изменения несовместимы с существованием устаревающих на глазах институтов индустриальной эпохи. Здесь следует выделить работы основателя теории постматериалистического сдвига Рональда Инглхарта¹² [12, 76, 77, 78]. В своей книге «Модернизация, культурные изменения и демократия» [13], написанной совместно с Кристианом Вельцелем и посвященной эволюции ценностных установок жителей разных стран мира в последние десятилетия XX века, он показывает, в частности, каким образом экономическое развитие порождает движение обществ от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Работа Р. Инглхарта и К. Вельцеля основана на данных массовых опросов многолетнего социологического проекта «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey (WVS))¹³ и позволяет оценить возможные тенденции развития институциональных систем в той или иной стране.

Следует отметить, что проект «Всемирное исследование ценностей» под руководством Р. Инглхарта — уникальный всемирный научно-исследовательский проект, в рамках которого исследуются ценности и убеждения людей, как они меняются с течением времени и какое социальное и политическое влияние они оказывают. Проект осуществляется с помощью всемирной сети социологов, которые, начиная с 1981 года, провели репрезентативные национальные опросы почти в 100 странах. WVS является единственным источником эмпирических данных о большей части населения Земли. Он ставит перед собой цель изучить, прежде всего, динамические процессы — социокультурные изменения, происходящие в современном мире. Межкультурная вариативность объясняется в WVS с помощью двух основных культурных показателей, выделенных Р. Инглхартом: (1) традиционные/секулярно-рациональные ценности, где основными доминантами выступают повиновение, национальная гордость, преклонение перед властью и авторитетом, и (2) ценности выживания/самовыражения, где

¹² Р. Инглхарт — один из основателей проекта «Евробарометр» (Euro-Barometer). Директор проекта «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey). Профессор политологии Мичиганского университета (США), руководитель Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹³ <http://www.worldvaluessurvey.org/>

главенствующую роль играют стремление к самовыражению, отстаивание своих прав, доверие к людям (рисунок 1). Эти два измерения, по мнению Р. Инглхарта, объясняют более 70% всех межнациональных различий, и в каждом из них наблюдается сильная собственная корреляция с большим количеством других важных изменений¹⁴.

Р. Инглхарт прокомментировал полученные результаты WVS применительно к России в своей лекции «Эволюционная модернизация и культурные изменения» 12 октября 2012 г. в Санкт-Петербурге, где отметил, что Россия совершила только один из двух модернизационных переходов: от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, что соответствует переходу от аграрного общества к индустриальному. Второго перехода — от ценностей выживания к ценностям самовыражения, знаменующего переход к постиндустриальному обществу, пока не произошло. Вследствие социально-экономической катастрофы 90-х годов XX века Россия еще более сдвинулась к полюсу ценностей выживания¹⁵.

Учитывая, что синтез институтов, одновременно стимулирующих модернизационное развитие и снижающих экологические риски, составляет основу экомодернизации и ее высшей формы — «зеленой экономики», для нас важно выявить зависимость современных модернизационных процессов от социокультурных факторов. В данном аспекте Р. Инглхарт сформулировал три особенности современных модернизационных процессов. Во-первых, модернизация — это не детерминированный процесс, неизменно приводящий к заранее известному итогу; нельзя с уверенностью предсказать характер и направленность изменений в конкретном обществе, можно лишь с некоторой долей вероятности предположить их результаты. Во-вторых, модернизация — это не линейный процесс развития в одном направлении. В индустриальную эпоху ключевым вектором социальных изменений был переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, однако сегодня эта тенденция уже не является преобладающей. Напротив, в последние десятилетия наблюдается рост религиозного сознания, преимущественно в странах со средним и низким уровнем развития, а в наиболее модернизированных обществах материалистические ценности (ценности выживания в термино-

¹⁴ http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54

¹⁵ <http://contextfound.org/events/y2012/m12/n79>

логии Р. Инглхарта) сменяются ценностями самовыражения. В-третьих, то, как будут протекать модернизационные процессы в отдельно взятом обществе, в значительной мере зависит от существующего культурного, религиозного и исторического наследия — традиционный контекст всегда оказывает существенное влияние на характер ценностных изменений¹⁶.

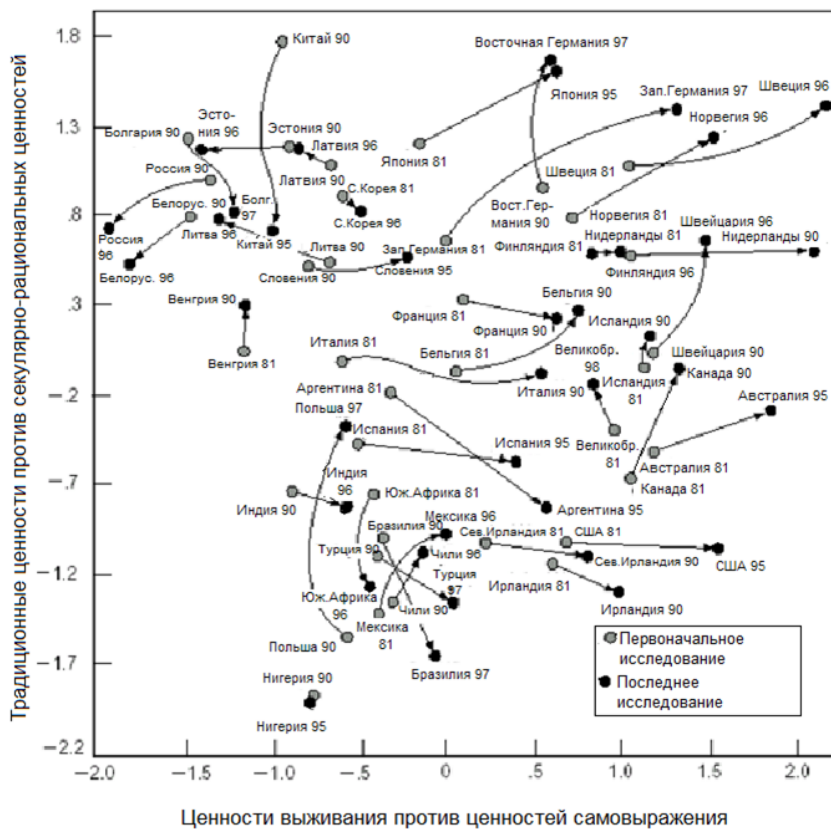

Рис. 1 Россия на карте ментальных различий между странами Востока и Запада, согласно данным проекта WVS

Стрелками показаны изменения этнометрических показателей в 1980–1990-е гг., в период между начальными и последующими исследованиями

Источник: Латов Ю.В., Латова Н.В. Ментальные карты мира. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-174171.html>

¹⁶ <http://lcsr.hse.ru/news/63376816.html>

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В настоящее время все больший интерес применительно к анализу трендов и динамики развития институциональных систем вызывает методология кросс-культурного анализа Г. Хофстеде. Будучи всеми признанной и классической, она постоянно привлекает к себе внимание со стороны ученых разных стран, использующих ее в качестве базовой для изучения различных сторон ментальности людей. Г. Хофстеде выделил четыре измерения, при помощи которых могут быть охарактеризованы и описаны господствующие ценностные системы представителей самых разных стран и этнических групп — это «дистанция по отношению к власти» (PDI); «избегание неопределенности» (UAI); «индивидуализм» — «коллективизм» (IDV); «маскулинность» — «фемининность» (MAS). Пятое измерение было добавлено в 1991 году по результатам исследований китайских специалистов и развито Майклом Бондом и Квок Леунгом для межстрановых сравнений и в аспекте изучения межуровневых связей культурных и индивидуальных переменных¹⁷. Этот показатель, основанный на конфуцианском динамизме, был назван «долгосрочной ориентацией» (LTO), что означает временной горизонт ориентации на будущее (короткий — длинный)¹⁸. Шестое измерение было добавлено в 2010 году на основе анализа Майкла Минкова и получило название «снисходительность против самоограничений» (IVR)¹⁹.

В России также были проведены исследования по методике Г. Хофстеде, хотя и немногочисленные. Так, по этому пути пошел российский социолог А. Наумов — развивая идеи Г. Хофстеде, он провел конкретное эмпирическое исследование [27]. Наиболее значимым событием в данном направлении стало вхождение России в середине 1990-х годов в международный исследовательский проект «Исследовательская программа по изучению глобального лидерства и эффективности организационного поведения» (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness Research Program — GLOBE) под руководством Р. Хоуза [9, 68]. В проекте работали 170 ученых —

¹⁷ Опрос по данному показателю проводился в 1980-е годы среди студентов из 23 стран. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1670997>

¹⁸ В оригинале назывался Конфуцианский динамизм. Chinese Values and the Search for Culture-Free Dimensions of Culture: The Chinese Culture Connection // *Journal of Cross-Cultural Psychology* 1987; 18; 143

¹⁹ <http://geert-hofstede.com/national-culture.html>

экономистов, социологов и специалистов по менеджменту из 60 стран, в том числе и из России²⁰ [8]. Эта работа позволила уточнить ранее выполненные Г. Хофстеде измерения российской ментальности в соотношении с другими странами. Также было конкретизировано определение культуры для подобных исследований. В рамках проекта GLOBE дается следующее согласованное обобщающее определение: «Культура — это общий опыт индивидов, проявляющийся в совместно разделяемых мотивах, ценностях, верованиях, идентичности, интерпретации или понимании содержания существенных событий». Операционные параметры социальной культуры включают общий язык, идеологию и верования, этническое наследие и историю, а параметры организационной культуры — общий словарный запас в рамках языка, разделяемые ценности организации и историю организации. Центральная теоретическая гипотеза GLOBE состоит в следующем: характеристики и практика, которые отделяют одну культуру от другой, позволяют предсказывать параметры поведения организации в этой культуре, параметры поведения и атрибутов лидеров, которые наиболее часто проявляются в этой культуре и которые воспринимаются как приемлемые и эффективные в данной культуре. Выполнялись исследования и в регионах России В.А. Ядовым [50], Ю.В. Латовым, Н.В. Латовой [19 — 23] и др.

Обзор применения методики Г. Хофстеде в России был впервые выполнен Ю.В. Латовым и Н.В. Латовой [20]. По их мнению, оригинальную методику применяли (помимо самого Г. Хофстеде) только в четырех исследовательских проектах. В настоящее время Г. Хофстеде организовал оперативное ведение в режиме реального времени официальной матрицы размерности оценки²¹ — базы данных по шести перечисленным выше индикаторам для большинства стран мира со свободным доступом (таблица 1).

²⁰ Основное обследование проекта GLOBE, проведенное в 1995—1997 годах, — опрос менеджеров среднего звена в трех отраслях: телекоммуникациях, финансовой и банковской сфере и пищевой промышленности в 53 странах. По параметрам социальной и организационной культуры было получено более 200 000 ответов, а по лидерским качествам — более 100 000. Количественные исследования дополняются качественными разработками тематики культуры и лидерства через оценки средств массовой информации, через сфокусированные интервью, описание косвенных свидетельств специфики культуры.

²¹ http://www.geerthofstede.com/media/651/6_dimensions_for_website.xls

Таблица 1 Результаты оценки этнометрических индексов Г. Хофстеде, полученные в исследованиях, проводимых по сопоставимой методике*

Проводившиеся исследования	Дистанция по отношению к власти (PDI)	Избегание неопределенности (UAI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Долгосрочная ориентация на будущее (LTO)	Снисходительность против самоограничений (IR)
<i>1 - Данные Г. Хофстеде</i>						
Россия в целом (оценка 2014 г.)	93	95	39	36	81	20
<i>2 - Данные Боллингера</i>						
Россия в целом (публикация 1994 г.)	76	92	26	-	-	
<i>3 - Данные, полученные в ходе исследования Ю.В. и Н.В. Латовых (2004 г.)</i>						
Ставрополь	67	135	48	24	51	
Тула	47	104	50	33	38	
Тюмень	41	91	82	48	45	
<i>4 - Данные исследовательского проекта В.А. Ядова (2002 г.)</i>						
Весь массив	28	121	55	2	42	
Самара	19	127	50	-26	40	
Муром	29	117	56	-3	43	
Волжск	91	136	50	30	51	
Москва	27	115	60	10	34	
<i>5 - Данные, полученные в ходе исследований Центра конфликтологии ИС РАН (2001 -2002)</i>						
Ярославль	45	51	53	43	49	
Нижний Новгород	47		44	45		

* Все показатели даны с округлением до целых чисел.

Несомненный интерес для анализа развития природоохранных институтов представляют работы голландского ученого Фонса Тромпенаарса. В качестве теоретической основы он использовал ценностные ориентации, описанные известным социологом Талкотом Парсонсом (Talcot Parsons)²². Ф. Тромпенаарс выделил пять культурных измерений, которые могут рассматриваться как аналоги индексов Г. Хофстеде, однако они в большей степени ориентированы на выявление социокультурных особенностей ведения бизнеса в различных культурах. Для природоохранной сферы наиболее важно, что Ф. Тромпенаарс уделил специальное внимание установкам по отношению к времени и окружающей среде [94].

Безусловно, рассмотренные социокультурные измерения не могут предсказать поведение отдельных лиц и не учитывают особенностей каждого конкретного человека. Как справедливо отмечает Нзубе Уфодайк, критически рассматривая теорию Г. Хофстеде [42], многие обусловленные историей культурные стереотипы достаточно быстро перестают работать в современном глобальном мире, особенно на уровне компаний и корпораций. Национальность сотрудников также не всегда свидетельствует об их стандартах поведения. Например, новый деловой партнер — нигерийка. Но что если она получила образование в Англии и проработала большую часть жизни в США? И как Вам найти общий язык с бразильским инвестором японского происхождения, который получил степень MBA в INSEAD во Франции и Сингапуре? Было бы разумным признать и быть готовым к тому, что следующее поколение бизнес-лидеров (распорядителей ресурсов — авт.) будет более разнообразным, чем когда-либо в истории современности [42]. Не случайно менеджмент многонациональных компаний стремится к унификации формальных институтов, в том числе в природоохранной сфере. Так легче вести бизнес, работать с филиалами. Этому способствует быстрое развитие новых информационных технологий, распространение новых инструментов коммуникации, таких как интернет-конференции и интернет-офисы, переход многих компаний к сетевому менеджменту. Влияние виртуального пространства на культурные изменения пока еще мало

²² Эмпирической базой послужило десятилетнее исследование, результаты которого были опубликованы в 1994 году. Среди менеджеров из 28 стран было распространено свыше 15 тыс. анкет. В каждой стране было получено по крайней мере 500 анкет, которые могли быть использованы для анализа.

изучено, как мало изучено и влияние происходящих там процессов на состояние общества и природной среды.

Более того, культурные индексы не являются вечными, хотя и изменяются весьма медленно. Э. Паин [33] справедливо показывает, какая метаморфоза произошла с массовым сознанием скандинавских народов: потомки некогда грозных викингов сейчас одни из тишайших народов мира. А. Аузан отметил, что еще в 2000 году позиция Оливера Ульямсон, Нобелевского лауреата 2009 года, заключалась в том, что неформальные институты меняются в интервале от 100 до 1000 лет. Однако мегаэкономическая динамика последних лет показала, что ряд стран осуществили модернизационный прорыв за 15 – 20 лет, а не за столетия: это Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур; быстрые изменения произошли в Ирландии и Польше. Причину такого развития А. Аузан видит в активизации мощных механизмов социализации: армия, тюрьма, университет, которые сегодня работают совсем в другом темпе [1]. Нельзя не отметить и влияние телевидения, интернета и новых средств связи.

Не случайно большинство исследователей, работающих в кросс-культурной парадигме, признают необходимость максимальной осторожности при применении универсальной шкалы ценностей к поведению людей и советуют в каждом случае исходить из конкретной ситуации, не полагаясь полностью на предложенные классификации национальных культур. Г. Хофстеде подчеркивает, что измерения культур являются лишь основой, помогающей оценить конкретную культуру для облегчения принятия решений. Существуют и другие факторы, подлежащие рассмотрению, например, личные качества, семейная история и личное благосостояние. Также он отмечает (очень сильно обобщая), что изучение индивидов, организаций и культур — это три разные вещи, взаимодополняющие, но не равнозначные! Когда исследуется культура — изучаются ценности, а когда сравниваются организации — речь идет о практиках. На индивидуальном уровне речь идет не о ценностях и не о практиках, а о конкретном человеке [69].

Впрочем, как справедливо отмечает Н. Латова, даже те, кто отмечает ограниченность применения и негативные свойства созданного Г. Хофстеде

инструментария, как правило, вовсе не отрицают наличия культурных универсалий самих по себе и, более того, активно воспринимают опыт, наработанный при изучении хофстедовых показателей [23]. Не случайно хофстедовы индексы все шире используются в корпоративном консалтинге в качестве эффективного инструмента повышения качества управления компаниями, особенно транснациональными.

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ

В настоящее время в мире предпринимаются активные попытки использовать социокультурные индексы для изучения влияния культур на экологическую устойчивость и непосредственно на развитие природоохранных институтов. Особенно следует остановиться на работах Х. Парка (H. Park et al) [84], где исследовалась с использованием индексов Г. Хофстеде взаимосвязь культуры и экологической устойчивости. Были рассмотрены следующие гипотезы относительно уровней экологической устойчивости: (1) повышенный уровень экологической устойчивости характерен для культур, ориентированных на минимизацию риска (UAV); (2) высокие значения устойчивости соответствуют более коллективистским культурам (IND); (3) высокий уровень устойчивости характерен для культур с низкой дистанцией по отношению к власти (PDI); и (4) высокие значения экологической устойчивости соответствуют наиболее женским культурам (MAS). Выполненное авторами моделирование подтвердило гипотезу 3 на основании доступных им данных: культуры с низким индексом дистанции от власти (PDI) имеют более высокий уровень экологической устойчивости, чем культуры со значительным удалением. В культурах с высокой дистанцией от власти социальная справедливость или экологическая справедливость по отношению к «держателям невласти» могут быть, под видом повышения эффективности природоохранной деятельности, проигнорированы «держателями власти» с целью получения выгод [84, с. 112]. Гипотеза 4 также была подтверждена. Действительно, в «женских культурах» подчеркиваются такие ценности, как внимание к потребностям

другого и качеству жизни будущих поколений; это может способствовать более высокому уровню экологического сознания и чувствительности [84, с. 113]. Гипотезы 1 и 2 подтверждены не были.

Точно так же Пенг и Лин (Yu-Shu Peng and Shing-Shiuan Lin) [85] выявили, что дистанция по отношению к власти (PDI) и маскулинность (MAS) могут быть «эффективными и непротиворечивыми прогнозными индикаторами экологических затрат» [85, с. 215]. В свою очередь, С. Вэчон (S. Vachon) [96] обнаружил, что культурные показатели наций с высоким уровнем индивидуализма и избегания неопределенности коррелируются с показателями устойчивости корпораций. Он проанализировал зависимость культурных индексов от четырех переменных: зеленый корпоративизм, экологические инновации, справедливость трудовой практики и корпоративная социальная ответственность с показателями природоохранной деятельности. В результате было выявлено, что избегание неопределенности (негативно и в значительной степени) связано со всеми этими четырьмя направлениями экологической устойчивости. Кроме того, уровень индивидуализма был положительно и значимо связан со всеми четырьмя направлениями природоохранной деятельности. Также был сделан очень важный вывод, что «общество, которое способствует коллективности», предполагающее «сплоченность группы и консенсус», как правило, не поддерживает движение «снизу вверх» в экологической и социальной сферах, поскольку это означает давление на сложившиеся организации и институты, что нарушает равновесие, сложившееся в конкретном месте или стране [96, с. 353].

В. Уильямс и Дж. Зинкин (W. Geoffrey and J. Zinkin) [97] изучили зависимость корпоративной социальной ответственности и индексов Г. Хофстеде. Они использовали данные обследования двадцати восьми стран, где респондентов просили ответить на вопрос, отказывались ли они когда-либо от покупки продукции какой-либо компании или критически высказывались о ней, когда поняли, что действия компании социально безответственны. В результате анализа ответов с позиции зависимости от культурных аспектов было выявлено, что «потребители в странах, где индивидуализм силен, как правило, чаще склонны наказать фирму за экологически плохое поведение, чем в странах, где коллективные установки более распространены» [97, с.

221]. Б. Хустед (B. Husted) [74] в своем исследовании зависимости экологической устойчивости от показателей экономического развития с помощью индексов Г. Хофстеде обнаружил, что индивидуализм, маскулинность и дистанция по отношению к власти в значительно большей степени связаны с устойчивостью, чем ожидалось.

Применительно к России важность внимания к социокультурным факторам при организации управления природоохранной деятельностью и выборе природоохранных институтов для импортирования, особенно из опыта или истории других стран, была показана автором уже более десяти лет назад [46]. Такой подход ставит в основу управления природоохранной деятельностью поддержание оптимального соотношения природоохранных универсальных и социокультурно обусловленных институтов с подчеркнuto внимательным отношением к моральным ограничениям и приоритетам, обусловленным культурными традициями и социальными условиями конкретных территорий. Именно универсальные природоохранные институты наиболее активно развиваются в последние десятилетия, поскольку глобализация в экономике и финансовой сфере стимулирует унификацию норм и правил. Этот во многом объективный процесс, в целом полезный для экологической безопасности, зачастую демонстрирует свою несостоятельность в рамках отдельных культур. В особенно тяжелом положении могут оказаться территории с традиционной культурой, где унификация законов, норм и правил повышает риски деградации сообществ людей, уничтожения общедоступных природных ресурсов, ликвидации охраняемых природных территорий и обострения локальных проблем истощения ресурсной базы устойчивого развития.

Важность учета социокультурных измерений для управления природоохранной деятельностью, точнее, выбора оптимальных природоохранных институтов была показана Г.А. Фоменко и В.Г. Фоменко [45] на примере оценки влияния на подобный выбор таких факторов, как дистанцированность людей от власти и стабильность прав собственности применительно к задаче стимулирования сокращения выпуска экологически неблагоприятной продукции. Выполненный авторами межстрановой анализ показал, что основное воздействие на априорный отбор природоохранных инсти-

тутов, обеспечивающих экономическое стимулирование сокращения выпуска экологически неблагоприятной продукции, оказывают: (1) точность определения прав собственности и сила исторических традиций их соблюдения; (2) степень концентрации распорядительных функций на различных уровнях территориального управления; (3) преобладание добровольности или командности; (4) стимулирующий или подавляющий эффект [45, с. 217].

ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ

Результаты изучения развития институтов применительно к природоохранной сфере [44, 45, 46] позволяют предположить, что, несмотря на достаточно общий характер и выборочность подобных исследований в России²³, кросс-культурные измерения Г. Хофстеде могут существенно обогатить анализ социокультурных ограничений и лучше понять траекторию развития природоохранных институтов. При этом их целесообразно дополнить индексом стабильности прав собственности, поскольку общепризнано, что институт собственности возник на определенном этапе общественного развития, то есть является социальным, историческим продуктом [6, с. 381– 382]. В совокупности эти измерения дают возможность выявить основные полюса различий влияния социокультурной среды на развитие природоохранных институтов на основе имеющихся эмпирических данных, а также результатов выполненных прикладных исследований.

Такой системный, дедуктивный подход позволяет сделать вероятностные выводы относительно влияния социокультурных различий на развитие природоохранных институциональных систем и на экологическую устойчивость, актуальные для повышения результативности природоохранного управления и природоохранного менеджмента на конкретных территориях. Иными словами, исходя из: (1) установки, что социокультурные факторы воздействуют на формирование институциональных природоохранных систем, (2) предположения о возможности измерения социокультурных факторов по семи основным индикаторам и (3) возможности сформулировать диаметрально противоположные пары культурных различий по каждому индексу, можно установить особенности современного состояния и тенденций исторического развития институциональных

²³ Из тех данных, которые получены по одной методике, не все одинаково репрезентативны. Прежде всего, и исследование Д. Боллингера, и исследование группы В.А. Ядова проводились на довольно малых группах — как правило, менее 100 респондентов. Лишь на одном из обследованных группой В.А. Ядова предприятиях, в г. Муроме, анкетированию подвергалась относительно крупная группа (262 человека). Самое главное, анкетирование проводилось в таких группах (директорат и работники одного-единственного предприятия), которые заведомо не являются репрезентативными ни для России в целом, ни для региона (Латов Ю.В. и Латова Н.В., 2007).

систем в природоохранной сфере в зависимости от конкретной культуры. Таким образом, появляется возможность выявить институциональные ограничения и наиболее оптимальные направления развития природоохранных систем на конкретных территориях, а также сделать ряд конструктивных предположений относительно влияния социокультурного фактора на развитие природоохранных институциональных систем в России и об особенностях импортирования природоохранных институтов из опыта зарубежных стран с иными культурными традициями.

ИНДЕКС ДИСТАНЦИРОВАННОСТИ ОТ ВЛАСТИ (POWER DISTANCE (PDI))

По Г. Хофстеде, дистанцированность от власти — это измерение восприятия власти, степень, с которой наделённые относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность ее распределения в рамках формальных и неформальных структур. Для культур с высоким индексом дистанцированности от власти (PDI) — Арабские страны (80), Мексика (81), Панама (95), Филиппины (94), Румыния (90), Венесуэла (81), Гватемала (95)²⁴ — характерно восприятие власти как наиболее важной части жизни. Для культур с низким PDI — Австрия (11), Дания (18), Швейцария (34), Швеция (31), Норвегия (31), Финляндия (33), Израиль (13), Новая Зеландия (22)²⁵ — характерно построение отношений с властью на основе равенства, уважения к личности. Это измерение не характеризует распределение власти в конкретной культуре, а, скорее, анализирует его восприятие обществом.

Высокий индекс дистанцированности от власти (PDI) показывает, что наделённые меньшей властью члены общества осознанно принимают свое место в иерархической системе. Культуры с высокой дистанцией власти вырабатывают институты (правила, механизмы, ритуалы), которые служат поддержанию и усилению иерархических отношений между ее членами. Низкий индекс дистанцированности от власти означает, что члены общества ожидают и принимают демократические отношения с властью, рассматри-

²⁴ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

²⁵ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

вая себя равными перед законом. Культуры с низкой дистанцией от власти отдают предпочтение институтам горизонтальной координации и в большей степени игнорируют властную дифференциацию — для них важнее, прежде всего, компетентность власти, уважение к личности и равенство.

Сопоставление результатов оценки индекса дистанцированности от власти для Российской Федерации, полученных в ходе различных исследований, показывает, что российское общество в целом характеризуется высокой дистанцией по отношению к власти (PDI по Г. Хофстеде оценивается в 93 пункта). При этом для РФ индекс PDI, вероятно, имеет существенную регионализацию (таблица 1).

Природоохранное регулирование осуществляется через систему формальных и неформальных природоохранных институтов, которые концентрируют и реализуют властные полномочия различных организаций и на различных уровнях территориального управления. При этом национальный и региональный уровни государственного управления и местное самоуправление рассматриваются как системные целостности и понимаются широко — как тесно связанные пучки полномочий по применению регулирующих воздействий на деятельность предприятий-загрязнителей, находящихся как в частной, так и в государственной, муниципальной, частно-корпоративной, общинной собственности разных агентов экономики, а также на домашние хозяйства.

От того, насколько люди ощущают себя дистанцированными от власти (что и показывает PDI), зависит выбор тех или иных природоохранных институтов, различающихся уровнем применения, потребностью в вертикальной или горизонтальной координации и т.д. Логично предположить, что, если пучки полномочий по природоохранному регулированию, делегированные тому или иному уровню государственного управления, не соответствуют характеру экологических рисков или нелегитимны в представлениях людей, то неизбежно возрастание деструктивного поведения и транзакционных издержек. Поэтому основным критерием результативности распределения природоохранных регулирующих функций следует назвать именно миними-

зацию возникающих транзакционных издержек²⁶: слишком высокие такие издержки могут помешать осуществлению экономического действия или сделать неэффективным применение самого природоохранного института.

При высоком уровне PDI характерно стремление людей не решать проблемы на месте, не обустривать свою окружающую среду, мечтая при этом об отъезде в другие комфортные и обустроенные места. Анализируя институциональную инерцию, которая удерживает общество в определенной траектории, получившее в неоинституциональной теории название «path dependence» и удачно переведенный А. Аузаном как «эффект колеи»²⁷, в этих феноменах можно увидеть проявления неформальных институтов, в том числе свойственных в своей далекой основе переселенцам или кочевым народам. Монгольские исследователи С. Тувшинзая (S. Tuvshinzaya), Г. Нарантангэлэг (G. Narantungalag) отмечают, что у кочевых монголов до сих пор не развита традиция накопления материальных благ [95]. Большое количество неосвоенных земель, сложный климат, удаленность и произвол властей выработали низкий стандарт качества жизни у российского крестьянского населения. Примечательно, что применительно к России В.О. Ключевский отмечал: «Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественников с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои насиженные места, чтобы передвинуться на новые» [17, с. 57].

Такая «неукорененность» бросается в глаза и сегодня, когда проезжаяшь многие деревни и поселки в Центральной России. Этот феномен проявляется и в городах, в которые в XX веке массово переехала большая часть крестьянского населения, в т.ч. в форме «птичьего эффекта», когда новые горожане — жители многоэтажных домов воспринимают дворы как чужое пространство. Об этом свидетельствует необустроенность многих из них; периодически можно наблюдать как мусор, банки из-под пива, сигареты выбрасываются в форточки или с балкона.

²⁶ К транзакционным издержкам в данном случае относятся затраты, возникающие в связи с использованием рыночных механизмов, они сопровождают взаимоотношения экономических агентов и включают издержки сбора и обработки информации, проведения переговоров и принятия решений, контроля, юридической защиты и др.

²⁷ <http://theoryandpractice.ru/posts/8171-auzan>

В такой ситуации для институционального анализа в сфере природоохранной деятельности может быть полезным выявление институциональных ограничений и регламентаций, вытекающих из концепции С. Лурье [25], которая полагает, что поскольку «и в начале XXI века у большей части россиян сохраняются крестьянские корни, культурные ограничения и регламентации поведения (в т.ч. в отношениях Природы и Общества — авт.) следует искать именно в ментальности крестьян» и в «сельской общине, которую сами крестьяне называли «миром» [25, с. 281]. Крестьянскими корнями она объясняет и специфическое отношение к государству: «член крестьянской общины хорошо представлял, что доброму миру противостоят все органы власти, вплоть до государства, чьи решения ему почти всегда непонятны и чужды. Правда, крестьянин пытался переносить защитные функции общины на государство, ждал от него отеческой заботы (то есть проявлял патерналистские установки). Но, как правило, не дожидался, что еще больше отталкивало крестьянина от государства» [25, с. 282].

При предельно высоком индексе PDI воспринимаются как второстепенные и малоинтересные для верховной власти дела подданных, которые подменяются в основном геополитическими, высшими, «царскими» задачами. Напротив, в странах с меньшим дистанцированием от власти, интересы различных групп населения получают большую поддержку. Это отчетливо проявилось уже в переписке царя Ивана IV с английской королевой Елизаветой I. Например, в Послание от 1570 года Иван IV отмечал: «Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица»²⁸. Логику королевы, любившей говорить подданным: «Может быть, у вас будет государь куда более выдающийся, но никогда не будет более любящего», — вряд ли возможно было понять Ивану, распорядившемуся жизнью и смертью своих подданных по собственному усмотрению²⁹.

²⁸ Послание царя Ивана IV английской королеве Елизавете, 1570 год. <http://old-ru.ru/07-30.html>

²⁹ <http://www.radzinski.ru/books/grozny/>

Высокая дистанцированность от власти порождает доминирование модели человека административного, в основе которой лежит готовность к подчинению внешним властным воздействиям в сочетании с ограниченной свободой выбора. Такая модель в предельном значении не предполагает инновационных действий как в экономической, так и в природоохранной сфере. Для нее характерна подмена инициативы и личной ответственности послушанием перед требованиями государственных органов. Для экологической сферы такая ситуация достаточно опасна, поскольку стремление решить задачи высокого уровня часто сопровождаются недооценкой местных географических условий и проблем локального развития; в такой ситуации нарастают приспособленчество и и безынициативность.

Невозможность обеспечения тотального вертикального контроля создает почву для деструктивного поведения на индивидуальном уровне, особенно в периоды ослабления государственной власти, что выражается в резком нарастании масштабов расхищения природных ресурсов совместного пользования (ПРСП) и загрязнения окружающей среды. Например, в России подобная модель поведения сформировалась на заключительной стадии советского периода, что выразилось в масштабной ресурсо- и энергорасточительности, в пуске промышленных объектов без своевременного ввода очистных сооружений, а также росте нелегальной вырубке леса и браконьерства.

При предельно высоком уровне дистанцированности людей от власти в природоохранном управлении преобладают следующие основные методы регулирования:

- природоохранные раздачи в виде централизованных государственных природоохранных инвестиций. При этом конкретные природные объекты (включая ООПТ) закрепляются за государством или природопользователями. Централизуются выдача разрешений на получение конкретного природного сырья, права на выбросы и сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов, а также раздача чинов и должностей;
- природоохранные сдачи, среди которых — блага, услуги и ресурсы, которые подлежат сдаче государству, и функции, которые подлежат обязательному выполнению, а также юридические нормы и правила, регу-

лирующие деятельность по сбору материальных и нематериальных благ. Доминируют служебная организация труда и нормативная система, на основе которой производится взимание материальных и нематериальных благ;

- административные жалобы на нарушение природоохранного законодательства, включая гражданские, поступающие от населения в органы управления, и управленческие, исходящие с нижних звеньев на более высокий уровень. При этом административные жалобы выполняют функцию обратной связи [46].

В условиях высокой дистанцированности от власти сложно применять экономические методы природоохранного регулирования, поскольку люди, выплачивая налоги, не нанимают правительство, а обеспечивают «сдачи»: платят веками «положенный» устоявшийся «отход»; носители власти с ним вольны делать все, что им кажется правильным, не спрашивая мнения подданных. В рамках такой системы власти достаточно эффективно обеспечивалась мобилизация войск в стародавние времена, но крайне сложно было активизировать внутренние регуляторы стимулирования модернизации общества. Однако это позволяло во все времена и позволяет сегодня сконцентрировать ресурсы на решении наиболее важных государственных задач, в том числе по освоению новых территорий и добыче труднодоступных природных ресурсов. Не случайно роль главного (и единственного) инноватора институциональных изменений, в том числе и в природоохранной сфере, большинство людей отводят Государству. На этом фоне качество жизни конкретной личности, обустройство своей улицы на реальной земле остаются малозначимыми, подчиненными общенародным интересам.

При высоком уровне дистанцированности людей от власти роль местных природоохранных инициатив, как и личная ответственность природопользователей, принижена. Это свидетельствует о заниженной роли в обществе такой важнейшей и древнейшей категории культуры, как «Genius Loci»³⁰, и нарастает «безименность» Мест. В такой ситуации активность людей возникает либо в критических ситуациях, либо по инициативе «сверху».

Учет индекса PDI наиболее важен при решении вопроса, на каком уровне территориального управления будет наиболее эффективен тот или

³⁰ В римской мифологии Genius loci (рус. Гений места — добрый гений, дух-покровитель) рассматривался как защищающий дух места. Свой добрый дух или гений существовал у каждого уголка земли (авт.).

ной метод природоохранного регулирования, и насколько достаточны и легитимны соответствующие реальные властные полномочия. Это предполагает необходимость выполнения анализа соотношения распорядительных функций (властных полномочий) различных уровней территориального управления. Не случайно, в различных странах с эффективным природоохранным управлением распределение пучков правомочий в этой сфере деятельности между различными уровнями управления существенно различается. Так, например, в кантональной Швейцарии исторически велика роль локального уровня управления, региональный уровень играет значительную роль в США.

В Российской Федерации в настоящее время для природоохранного управления характерна концентрация пучков правомочий, в том числе и в отношении экономического регулирования, на уровне центральной власти, где сосредоточены основные контрольно-надзорные функции, при относительно слабых природоохранных правомочиях на уровне субъектов федерации и фактическом их отсутствии на местном уровне. В то же время экологические проблемы в значительной степени определяются многообразием широко понимаемых географических условий регионов страны. Очевидно наличие дисбаланса между «потребителями» экологического ущерба, правомочиями организаций, выполняющих средозащитные функции, и реальными распорядителями ресурсов³¹, зачастую не подверженными экологическим рискам, которые генерируются принимаемыми ими решениями. Такой дисбаланс может проявляться в различных формах: например, как отсутствие у местной власти достаточных возможностей для воздействия на крупных загрязнителей.

Реальную дифференциацию распределения пучков правомочий в природопользовании между различными уровнями территориальной организации важно учитывать уже при априорном отборе механизмов природоохранного регулирования. Например, рассматривая возможность заимствования положительного опыта природоохранного управления в современных Нидерландах (низкий PDI), следует учитывать, что концен-

³¹ Распорядители ресурсов — лидеры, которые наиболее активно влияют на природоохранную деятельность и выражают мнение формальных и неформальных сообществ (Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда. М.: Прогресс, 1990).

трация правомочий в природоохранной сфере на локальном уровне там существовала уже в XIV веке. Связано это с географическими условиями; в первую очередь с широким распространением польдеров, когда любой прорыв защитных дамб требовал немедленных ответственных действий людей без команды «сверху». В России же, при высоком значении PDI, с традиционной концентрацией власти в центре доминирует «вертикальная» интеграция властных правомочий, а горизонтальная координация деятельности в сфере природопользования и охраны окружающей среды затруднена, поскольку ограничена самостоятельность индивидуальных решений на локальном уровне. Эта институциональная традиция также имеет глубокие исторические корни.

В сложившейся институциональной ситуации при применении экономических механизмов природоохранного регулирования в России при высоком индексе дистанцированности от власти (PDI) следует учитывать неизбежность, как минимум в ближайшие десятилетия, концентрации правомочий на федеральном уровне. Безусловно, важность повышения роли местного самоуправления в природоохранной деятельности не подвергается сомнению. Однако, последняя задача не может быть выполнена мгновенно, так как требуется время для целенаправленной корректировки многих не только формальных но и неформальных институтов. Поэтому методы экономического регулирования в природоохранной сфере должны быть максимально прямого действия. В то же время важно учесть географические различия регионов страны, что целесообразно в форме применения различных коэффициентов к единым базовым нормативам, отражающим территориальные особенности. При осуществлении же контрольных и надзорных функций целесообразно повышение роли регионального уровня управления, а также городов. Отсутствие прав природоохранного контроля у последних, даже в российских институциональных условиях, трудно объяснить с позиций устойчивого развития. Высокие значения PDI актуализируют развитие государственного экологического мониторинга, особенно с использованием средств аэрокосмического зондирования, поскольку в таких социокультурных условиях сотрудники в стремлении выглядеть лучше в иерархической системе власти склонны не сообщать о возникающих проблемах.

Индекс PDI в настоящее время все шире используется в стратегическом корпоративном управлении, в том числе в сфере природоохранного менеджмента. В частности, С. Вэчон [96] обнаружил, что более высокие уровни PDI связаны с наименьшей корпоративной природоохранной деятельностью (отрицательная корреляция). Х. Парк и др. [84] также выявили значительную отрицательную корреляцию между PDI и экологической устойчивостью: «культуры с низким уровнем дистанции власти, как правило, имеют более высокий уровень экологической устойчивости, чем культуры с высокой дистанцией власти» [84, с. 112]. Б. Хустед [74], проведя независимые аналогичные исследования, получил схожие результаты.

Применительно к корпоративному управлению на уровне предприятий, как справедливо отмечает А. Баумаст (A. Baumast) [55], в странах с высоким PDI системы природоохранного менеджмента (environmental management systems (EMS) могут использоваться, чтобы усилить взаимозависимость сотрудников в организации и выровнять существующие иерархии, вовлекая всех без исключения и с равными возможностями в процесс внедрения экологических стандартов — от высшего руководства к отдельным подразделениям (например, в процессе развития экологической политики компании). В бизнесе именно высоким уровнем PDI в Японии можно объяснить создание знаменитой системы качества «Тойоты», предполагающей вовлечение рядовых работников в улучшение производственных процессов. Для мотивации сотрудников к внедрению EMS полезно формирование консультационных рабочих групп, снижающих иерархические барьеры (интерактивные методы, фокус-группы и т.п.). В странах с высоким значением PDI системы природоохранного менеджмента могут использоваться для укрепления статусности и иерархичности. В такой культурной среде целесообразно давать сотрудникам ясные указания, что, когда и как делать при внедрении EMS. Иными словами, применение соответствующего стиля лидерства (консультативного в странах с низким значением PDI и авторитарного в странах с высоким значением PDI) может поддержать мотивационный эффект.

ИНДЕКС ИНДИВИДУАЛИЗМА/КОЛЛЕКТИВИЗМА (COLLECTIVISM VS INDIVIDUALISM (IDV))

С давних пор дихотомия «индивидуализм — коллективизм», характеризующая соотношение роли индивида в противовес роли группы/коллектива, считается одной из главных характеристик хозяйственно-культурной вариативности. Это измерение больше касается групп, чем отдельных лиц. У большинства членов обществ с доминированием индивидуализма (высокий уровень IDV) преобладают осознание себя как «я», защита частных интересов, связи между отдельными личностями, не обремененными сильными обязательствами действовать совместно. Культуры, для которых свойственен индивидуализм, придают большее значение достижению личных целей. Высоким уровнем индивидуализма характеризуются Австралия (90), США (91), Нидерланды (80), Великобритания (89)³². Для большинства же членов обществ с коллективистской ориентацией (низкий уровень IDV) присущи осознание себя как «мы», поддержание общественных отношений и норм; здесь общественные цели и благосостояние ставятся выше личных. Низкий уровень индивидуализма характерен для Венесуэлы (12), Панамы (11), Пакистана (14), Тринидада и Тобаго (16), Индонезии (14), Эквадора (8), Колумбии (13), Коста-Рики (15), Южной Кореи (18), Китая (20)³³.

Для Российской Федерации IDV оценивается, согласно полученным результатам этнометрических исследований Г. Хофстеде, в 39 пунктов. Наиболее близки по значению индекса Турция (37), Уругвай (36), Бразилия (38), Арабские страны (38), Мексика (30), Индия (48), Ямайка (39), Греция (35)³⁴. Оценки Г. Хофстеде достаточно точны и подтверждаются данными монгольских и российских исследователей (таблица 1). Таким образом, этнометрические измерения показывают, что Россия тяготеет к коллективистским ценностям, будучи, однако, страной со средним уровнем индивидуализма. Следует отметить, что привычный стереотип об абсолютном доминирова-

³² <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

³³ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

³⁴ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

нии коллективизма в российском обществе, скорее всего, обращен в прошлое, прежде всего к носителям культуры крестьянской общины. Сегодня к ним можно отнести значительную часть современного российского населения негородских территорий, малых и даже средних городов.

Что лучше для сохранения природы — индивидуализм или коллективизм? Г. Хофстеде не дает никаких пояснений относительно природоохранных проблем. Тем не менее, рассматривая различия между коллективистскими и индивидуалистическими странами, можно сделать некоторые логические предположения относительно территориальных особенностей природоохранного управления.

Существенно, что экологические проблемы все в большей степени приобретают глобальный характер, о чем писал еще В.И. Вернадский [5]. Соответственно, проблемы охраны окружающей среды, воспринимаемые как проблемы всего общества, побуждают людей оценивать их как угрозу общественным благам, даже если у них есть различные индивидуальные интересы. Наиболее опасной с экологической позиции следует признать ситуацию, когда коллективистское общество (низкие значения IDV) не признает глобальные природоохранные проблемы как собственные, а ориентируется только на свои узко понимаемые экономические интересы развития. В этом случае даже те люди, которые чувствуют потребность принять меры по охране окружающей среды, должны будут ограничить свои устремления, чтобы подчиниться общим для коллектива ценностным и целевым установкам. В индивидуалистической стране, напротив, все обеспокоены собственным благополучием. Акция в защиту окружающей среды будет поддержана, только если конкретный человек будет видеть потребность в ней. Поэтому природоохранные действия в крупном плане возможны только тогда, когда многочисленная группа людей объединяется на основе согласования их личных потребностей и суждений.

В коллективистской культуре люди ожидают, что власть будет заниматься их личными делами и защищать их интересы; взаимодействие основывается на чувстве долга и лояльности. Руководители в своем большинстве придерживаются традиционных взглядов на формы поддержания активности подчиненных; социальные связи внутри организаций характеризуются

сплоченностью; отношения между администрациями и работниками обычно базируются на моральной основе, на основе личных взаимоотношений [72].

Такие, в основном локальные, сообщества людей могут быть высоко экологичными; в настоящее время есть много примеров этому в различных странах. А. Этциони (A. Etzioni), автор теории отзывчивого коммуни-таризма³⁵, отмечает, что в таких ответственных локальных сообществах³⁶, во-первых, люди, максимизируя полезность, исходят не из узко понимае-мой экономической рациональности, а из своих представлений об удовлет-ворении и моральных ценностях (что предполагает при принятии решений социокультурный контекст и воздействие со стороны социальных и этниче-ских групп). Во-вторых, вместо предположения, что люди действуют рацио-нально, принимается, что на людей при принятии решений влияют эмоции и ценностные установки, а также то, что их способность обсуждать и об-рабатывать информацию, действовать рационально довольно ограничена. В-третьих, индивидuum не рассматривается как центр социальной вселен-ной, а является членом социальной группы (или нескольких групп), следова-тельно, многие особенности поведения людей должны получать объяснение на коллективном уровне [58, 62, 64]. Следует подчеркнуть, что А. Этциони фиксирует ограниченность, неполноту не только восточных, но и западных обществ, что и создает взаимную потребность в диалоге этих культур. Если, — по словам Этциони, — западные страны в той или иной мере страдают от дефицита социальной общности, то восточные народы различаются между собой лишь по степени недостатка свободы [49, с. 28].

Следует отметить, что сильнейший удар по неформальным отношени-ям, лежащим в основе коллективистских ценностей, наносит кризис дове-рия. В кросскультурном исследовании (ESS-2004) Российская Федерация не принимала участия, но зато там была представлена Украина. Как отме-чает Э. Паин [33], свыше половины опрошенных в этой стране с подозре-

³⁵ В «The Responsive Communitarian Platform» подчеркивается, что «прочные отзывчивые сообщества не могут быть созданы декретом или насилем, но только посредством настоящего публичного убеждения». The Responsive Com-munitarian Platform: Rights and Responsibilities (The Institute for Communitarian Policy Studies). URL: <http://www.gwu.edu/~ccps/platformtext.html>

³⁶ Согласно А. Этциони, под сообществом понимается группа людей, которые принадлежат одной культуре и придерживаются близких эмоциональных установок. Сеть общественных отношений в рамках группы затрагивает глубинные взаимоотношения индивидов и представляет собой не простую цепь индивидуальных отношений, а переплетающиеся взаимодействия, укрепляющие всю общину и ее членов, которые имеют общие ценности, символы и нормы поведения [63, стр.12 - 17].

нием относятся даже к своей ближайшей социальной среде, подчеркивая в анкете подсказку: «большинство будет стараться вести себя нечестно». В таких условиях крайне сложно находить компромиссные решения и возрастает вероятность социальных потрясений.

Нельзя не сказать и о проблеме наблюдаемого сегодня снижения роли в большинстве обществ с различными культурами коллективистских ценностей вследствие интенсивного развития средств коммуникации (телевидения, радио, интернета и т.п.). Наиболее болезненно такое воздействие проявляется в сообществах с традиционной культурой, которые в таких условиях оказываются перед дилеммой: либо приспособиться к новому миру, либо исчезнуть, унеся с собой самобытную культуру, опыт традиционного природопользования и охраны окружающей среды. В более широкой трактовке такое явление получило название «демонстрационного эффекта»³⁷. Заблокировать его очень сложно, тем более, что неизбежные вследствие этого сбои в потреблении вызовут крупномасштабные экономические потрясения во всем мировом хозяйстве.

Давление передаваемой информации о другой жизни сегодня следует расценивать как глобальный вызов традиционным обществам, на который необходимо найти ответ. Например, в Ладакхе, как показали исследования Х. Норберг-Ходже (H. Norberg-Hodge) [82], уровень жизни в условиях традиционного общества был выше, чем в период модернизации. Отвечая на вопрос, почему жители Ладакха все же выбирают культуру и экономику современного техногенного общества, а не опору на традиции, она подчеркивает именно силу психологического давления модернизации: атрибуты богатства, успеха, власти и свободы, которые видят люди, живущие в традиционных обществах, порождают желание приобщиться к такой модели развития. При этом образцы для подражания мифологизируются с позиций всеобщности успеха и богатства, а проблемы и трудности не замечаются. Х. Норберг-Ходже показывает, что эти народы подвержены «психологическому давлению, которое создает ощущение подчиненного положения в

³⁷ Демонстрационный эффект – воздействие уровня жизни одной социальной группы на структуру спроса и экономическое поведение другой группы. Проявляется в форме ощущения новых потребностей и затрагивает лишь наиболее выразительные элементы потребления, такие, как автомобиль, дача, шуба и т.п. Является одним из наиболее мощных стимулов массового потребления, поскольку отдельные социальные группы стремятся приблизить свой образ жизни, по крайней мере внешне, к образу жизни групп с более высокими доходами (Библиотека Воеводина. URL: <http://enbv.narod.ru/text/Economy/ses/str/0103.html>).

культуре» и порождает сильную мотивацию к принятию других форм жизни. Очарование современной жизни настолько велико, а собственная жизнь и культура кажутся такими отсталыми, что многие люди совершенно не понимают, куда они идут и каковы реальные последствия выбора нового пути. Люди верят, что, если жители развитых стран могут иметь богатую и свободную жизнь, то так должны жить и они.

Эта проблема остра и для российского общества. Исследования, выполненные нами в деревнях Ярославской области в 90-х годах, показали, что сельские жители в это время гораздо меньше сотрудничали между собой, чем в прошлом. Наблюдался рост индивидуальной конкуренции, переходящей в конфликты, в основе которых находится проблема личного доступа к ресурсам развития, в первую очередь природным (в условиях Центра России конфликты обостряются в основном относительно доступа к удобным источникам питьевой воды, близким участкам земли и леса). За возрастанием индивидуализма не следует видеть исключительно тенденцию появления новых рачительных хозяев. Базой его роста скорее является возрастание роста недоверия, когда многим начинает казаться, что вокруг них все обогащаются, нарушая этические нормы, а они могут «не успеть».

Трагедия психологического давления передаваемой информации о другой жизни именно на традиционные общества состоит в том, что люди, даже понимая риски и трудности жизни в условиях глобальной экономической системы, как правило, выбирают отход от традиционных форм, веря, что именно они смогут преуспеть там, где другие потерпели неудачу. Они начинают воспринимать стереотипы поведения жителей развитых стран и получают присущие новой жизни постоянно возрастающие социальные проблемы, такие как бедность, маргинализация, социальная неустойчивость, постоянно ускоряющийся темп жизни, новые болезни, загрязнение окружающей среды, ограниченность возможностей выбора у бедных. Самая большая проблема состоит в том, что личности совершают свой выбор (чтобы стать «современными») исходя не из того, что было бы приемлемо для их социокультурного сообщества или даже семейства, а руководствуясь соображениями наибольшей сиюминутной пользы лично для себя.

Рассматривая социальное и моральное воздействие передаваемой информации о другой жизни на народы, в качестве особой формы передачи институтов, следует подчеркнуть, в ее основе лежит новая «культура потребителя»³⁸, согласно которой индивидуумы фактически становятся рабами продуктов потребления. При этом потребление конкретных групп товаров даёт отдельным «личностям» ощущение новой идентичности и значимости, которой нельзя добиться в традиционных семье или локальном сообществе. Такая «культура потребителя» не только порождает эгоизм, индивидуализм и конкуренцию между индивидуумами, но и разрушает традиционные семьи, общины и связи между людьми. В таком состоянии общества наиболее активно и агрессивно истощают природные богатства.

Поскольку, давление передаваемой информации о другой жизни, объективно возросло и в России, целесообразно не только стимулировать импорт универсальных природоохранных институтов (важный для экономического развития) но и, в качестве противодействия разрушительным последствиям психологического давления передаваемой информации на наиболее слабо модернизированные слои общества и, особенно, локальные сообщества с традиционной культурой, активно поддерживать и укреплять территориальные горизонтальные связи, а также локальные сообщества, ориентированные на устойчивое развитие, создавать обстановку взаимопомощи, делами поддерживать уверенность людей в том, что будущие поколения будут иметь надежный доступ к ресурсам развития, в т.ч. природным.

В этом контексте, существенно, что применительно к природоохранной сфере оценка того или иного общества по индексу IDV позволяет лучше прогнозировать готовность сообществ людей к принятию и реализации совместных решений по охране окружающей среды. Важность укрепления ответственных сообществ для повышения эффективности природоохранной деятельности была рассмотрена автором еще в 2004 году, равно как и необходимость выявления для этого социокультурной доминанты [46]. Социокультурные традиции территорий определяют природоохранные ограничения и регламентации, формируя социокультурно обусловленный

³⁸ Термин «культура потребителя» более точно отражает смысл понятия, чем «культура потребления». В этом случае подчеркивается, что «потребитель» — это особая личность с присущей ей межнациональной культурой и самоидентификацией.

вектор, в соответствии с которым большинство жителей с позиций этики оценивают хозяйственные, управленческие и иные действия. Любые действия, которые ему не соответствуют, рискуют остаться без поддержки: их цели не будут убедительными для большинства людей. В этом случае этнос и этика станут противиться изменениям, заставляя людей воспринимать их как вызов и насилие над нравственным решением. Между тем, формализация социокультурного стержня развития в природоохранных нормах и правилах превращает его в важнейший природоохранный институт. Особенно велика его роль в условиях «расколотого» общества, в моменты трансформации институциональных матриц, когда проблема координации деятельности приобретает первостепенное значение.

В целом, влияние на природоохранную деятельность быстрого становления и развития виртуального пространства, все отчетливее проявляющегося в форме социальных сетей, образования интернет-сообществ и т.п. еще недостаточно изучено. С одной стороны, через сетевые структуры люди могут объединяться для решения экологических проблем, а с другой стороны — «уходить» в виртуальное пространство от реального мира. Очевидно также, что интернет-торговля существенно повышает возможности сбыта редких видов животных, дериватов и т.п., тем самым стимулируя браконьерство и нанося ущерб биоразнообразию.

Применительно к корпоративному природоохранному управлению ряд зарубежных исследований³⁹ показывает следующее. Во-первых, обязательства сотрудников перед своей организацией ослаблены в странах с низким IDV и значительны в странах с высоким уровнем IDV. Поэтому можно предположить, что в странах с низким IDV сотрудники меньше заинтересованы во внедрении экологических систем управления, чем в странах с высоким IDV. Во-вторых, в странах с низким IDV для организационного успеха крайне важно поддержание взаимопонимания, создание целевых групп по решению природоохранных проблем с включением специалистов различного иерархического уровня. Наоборот, для стран с высоким уровнем IDV необходим высокий уровень индивидуального экологического сознания основных стейкхолдеров. С позиции природоо-

³⁹ [http://www.cob.tamucc.edu/sam/conferences/SAM2012Papers/GLOBAL CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY PRACTICES.pdf](http://www.cob.tamucc.edu/sam/conferences/SAM2012Papers/GLOBAL_CORPORATE_SOCIAL_RESPONSIBILITY_PRACTICES.pdf) и др.

ранной эффективности обе такие модели могут быть эффективными. Действительно, на первый взгляд, повышение уровня IDV ведет к сближению реакций стейкхолдеров на те или иные действия власти, и это облегчает управленческое прогнозирование и планирование в природоохранной сфере. Но если представителям единой организационной культуры что-нибудь в новшестве не понравится (например, предлагаемый властью импорт природоохранного института из чужого опыта), оно, определенно, будет провалено. Кроме того, успех природоохранного регулирования непосредственно зависит как от вовлечённости всё большего количества людей во взаимоотношения, так и от расширения географического охвата территорий, на которых действуют конкретные природоохранные институты. Этому способствует ответственное поведение индивидов, выполняющих законы страны и не склонных к деструктивному поведению.

Инвестиции в предотвращение загрязнения и сокращение отходов умеренно или отрицательно коррелируют с величиной IDV⁴⁰. Исследования, выполненные в США и ряде других стран, показали наличие сильной отрицательной корреляции, то есть компании с высоким уровнем индивидуализма инвестировали в предотвращение загрязнений и сокращение отходов меньше средств, чем компании с низким уровнем индивидуализма. Такой вывод контрастирует с мнением С. Вэчон [96], который нашел положительные и значимые корреляции индивидуализма и корпоративной социальной ответственности (КСО). Таким образом, можно говорить о дифференцированном и разнонаправленном воздействии фактора индивидуализма на природоохранную деятельность.

ИНДЕКС ИЗБЕГАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (UNCERTAINTY AVOIDANCE (UAI))

Это измерение характеризует реакцию общества на незнакомые ситуации, непредвиденные события и давление перемен. Для обществ с высоким значением UAI в целом типично избегание неопределённых,

⁴⁰ [http://www.cob.tamucc.edu/sam/conferences/SAM2012Papers/GLOBAL CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY PRACTICES.pdf](http://www.cob.tamucc.edu/sam/conferences/SAM2012Papers/GLOBAL_CORPORATE_SOCIAL_RESPONSIBILITY_PRACTICES.pdf) и др.

неясных ситуаций, связанных с рисками, доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию, недоверчивость по отношению к людям синой жизненной позицией, образом мышления; культурные традиции характеризуются нетерпимостью к изменениям и стремлением избегать беспокойства, которое несет в себе неизвестность, путем установления строгих правил, ограничений и регламентаций. Для обществ с низким UAI, наоборот, характерны приемлемость неопределенностей и рисков, личная инициатива, спокойное принятие разногласий, иных точек зрения и образа жизни. Такие общества в целом более открыты к изменениям, используют меньше правил и законов, а их обычаи носят менее строгий характер. Наиболее высокими значениями UAI характеризуются Чили (86), Бельгия (94), Аргентина (86), Коста-Рика (86), Венгрия (82), Греция (112), Гватемала (101), Япония (92), Мальта (96), Португалия (104), Румыния (90), Уругвай (100); наиболее низкими значениями — Дания (23), Сингапур (8), Великобритания (35), Гонконг (29), Ямайка (13), Вьетнам (30).

Обобщенная информация о результатах этнометрических исследований (таблица 1) показывает, что российская ментальность сегодня демонстрирует весьма высокий уровень индекса избегания неопределенности. Так, согласно Г. Хофстеде, Российская Федерация оценена на уровне 90 пунктов. Можно предположить, что столь высокое значение индекса избегания неопределенности в России связано со значительным влиянием экстремальных природно-климатических условий, к чему в последнее десятилетие XX века добавилось влияние политико-экономических факторов, в частности, отсутствие единых равных «правил игры».

Применительно к природоохранной сфере индекс избегания неопределенности напрямую связан с понятием экологических рисков. Современное общество рискогенно [52, 53, 56, 70, 75, 80, 87]; производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков, в том числе и связанных с природными катастрофами, а также с техногенными авариями, имеющими серьезные экологические последствия. Можно констатировать, что в настоящее время не только на локальном, но и на глобальном уровне сформировалось пространство рисков, которое по своей сути есть географическое пространство, рассматриваемое в терминах рискологии и различающееся территориальными характеристиками, так как

оно представляет собой совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени. Поэтому общество и его институты при прогнозировании развития, в процессе анализа изменений экономического пространства, должны постоянно оценивать свои действия с позиций приемлемости экологических рисков⁴¹. Растущие масштабы производства рисков предполагают изменение подходов к природоохранному управлению, которое может рассматриваться в контексте рефлексии и реакции общества в целом или его отдельных институтов на производство, распространение и «потребление» экологических рисков.

При низком значении UAI сообщества людей в целом менее склонны к принятию мер по адаптации к экологическим рискам и по их снижению, поскольку для их культурных традиций не характерен постоянный страх перед возможным бедствием, и опасности для жизни от неизбежных событий воспринимаются как приемлемые. Это усложняет принятие мер по адаптации к изменению климата, не мотивирует принятие обществом затрат на снижение рисков от парникового эффекта; снижено восприятие техногенных рисков; затруднено и принятие профилактических мер. В таких условиях только жесткое природоохранное законодательство прямого действия при значительной величине штрафных санкций может быть эффективным (например, опыт Сингапура).

При высоком уровне UAI можно предположить, что общество больше сопротивляется любым изменениям и мало склонно к риску в какой бы то ни было форме. Индивидуумы и организации стремятся принимать меры, чтобы получить контроль над непредсказуемой окружающей средой. В этих условиях может позитивно восприниматься институт страхования экологических рисков. Однако здесь наблюдается и иная реакция – стремление индивидуумов и организаций переложить на государство всю ответственность и все затраты по снижению экологических рисков. Также при высоком уровне индекса избегания неопределенности в общественном сознании не приветствуется, например, напряженная работа; конфликты рассматри-

⁴¹ Под экологическим риском понимается вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера.

ваются как угроза стабильным отношениям; велика потребность во внутригрупповом согласии и стремление уклоняться от неудач; люди ощущают необходимость детальных законов и правил.

Нельзя не отметить, что при предельно высоком уровне общей рискованности стремление к индивидуальному выживанию любой ценой возрастает настолько, что об экологии уже не вспоминают. Именно тогда происходит «трагедия общего достояния»⁴², суть которой заключается в том, что люди или неспособны, или не желают достичь согласия и выработать эффективную, с расчетом на долгосрочную перспективу, стратегию природопользования. Влияние предельных рисков выживания на поведение людей блестяще показал лауреат Нобелевской премии Амартия Сен, который выявил, что в большинстве случаев в истории различных стран в начале периода голода было вполне достаточно продуктов, чтобы избежать гибели людей. Он показал важность учета «дилеммы заключенного» и «дилеммы безбилетника»⁴³ в распределении продуктов при резком нарастании восприятия рисков выживания в обществе⁴⁴.

При высоком UAI у основных социальных групп не возникает креативизации чувственно-эмоциональной потребности в новых продуктах и услугах. Это имеет прямое отношение к развитию рынков товаров и услуг природоохранного назначения: стремление избежать неопределенности материализуется в потребительской культуре, детерминирующей выбор в пользу той продукции, которая воспринимается потребителем как «проверенная», «надежная», убедительно зарекомендовавшая себя во время эксплуатации. Соответственно, принципиально новые и неизвестные «зеленые» технологии и продукция могут восприниматься с недоверием, а значит, не пользоваться спросом.

В сфере природоохранного управления в России высокий уровень стремления людей избежать неопределенностей проявляется в повышенных требованиях как природопользователей, так и чиновников всех уровней к четким правилам или инструкциям, желательно централизованным. Государство воспринимается как единственный гарант, способный патерналистски

⁴² Это явление было проанализировано в 1968 году Гарретом Хардиным (Hardin G., 1993).

⁴³ Базовые понятия теории игр, которые широко используются в институциональной экономике (Бьюкенен, 1999, Норт, 1997 и др.).

⁴⁴ Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation, Oxford University Press, 1981

поддержать в трудную минуту, особенно во время стихийных бедствий. Об этом, в частности, свидетельствует высокий уровень доверия в российском обществе к системе МЧС. Материальная помощь со стороны государства потерпевшим воспринимается как должное. Для экострахования, предполагающего превентивные затраты ответственных граждан, не возникает достаточной мотивации. В такой институциональной ситуации также повышается потребность в формализованных указаниях и нормах поведения.

Что касается корпоративного природоохранного менеджмента, С. Вэчоном [96] были получены доказательства того, что избегание неопределенности (высокий уровень UAI) отрицательно коррелируется с зеленым корпоративизмом, экологическими инновациями, социальной ответственностью и вовлеченностью. Сам рабочий процесс как риск-рефлексия неизбежно начинает отличаться высоким уровнем тревожности, лихорадочностью в работе или «авральностью». Повышается стремление к внутригрупповому согласию; снижается толерантность к людям или группам с отличающимися идеями или поведением. При организации природоохранного управления следует учитывать характерный для России высокий уровень индекса избегания неопределенности (UAI). Очевидно, следует предпринимать системные меры как на уровне государства, так и внутри компаний к его снижению. В этом ключе постановка задачи гуманизации природоохранной деятельности [35, 45, 46] приобретает новое звучание. В практической плоскости наиболее существенным для эффективного решения задач становится их четкая формулировка, а экспериментальную и проектную деятельность целесообразно строить последовательно, с максимально точным техническим заданием.

ИНДЕКС МАСКУЛИННОСТИ (MASCULINITY VS FEMININITY (MAS))

Это измерение характеризует соотношение важности традиционно мужских и традиционно женских ценностей. «Маскулинность» и «фемининность», согласно Г. Хофстеде, являются скорее не психологическими, а антропологическими категориями. Они фиксируют различия не между индивидами, а между странами (культурами), населению которых они

предъявляются в качестве подразумеваемых нормативных ориентиров, с разной степенью выраженности. Культуры с более выраженной маскулинностью (высокие значения MAS) характеризуются более четкими различиями между полами и склонностью к соперничеству и достижению целей. Им свойственны такие качества, как напористость, амбиции, уверенность в себе, достижение результата любой ценой, приверженность материальным ценностям. Культурам с невыраженной маскулинностью (преобладанием феминности), характеризующимся низкими значениями MAS, свойственны менее существенные различия между полами и более высокая ценность взаимоотношений. Они отличаются почитанием взаимоотношений, культурных ценностей, заботой о качестве жизни [73]; большое внимание уделяется скромности, умению сотрудничать, взаимопомощи [18, с. 95-96], заботе о слабых.

Хотя степень маскулинности или феминности каждой культуры исторически более или менее стабильна, она может изменяться в зависимости от конкретных социально-политических обстоятельств. Войны, политические кризисы или подъем национальных чувств создают повышенный спрос на героев-воинов и тем самым повышают ценность «маскулинных» качеств. Рост национализма и религиозного фундаментализма в современном мире — самый мощный противовес тенденции цивилизованной «феминизации» социокультурных ценностей. Он способствует возрождению самых архаических и агрессивных форм гегемонной маскулинности даже в тех странах, где национальное начало символизируется женским образом. Культ силы, дисциплины, державности, вождя и нации всегда связан с культом агрессивной маскулинности, направленной против «женственных» и «слабых» попыток нахождения компромиссов, заботы о меньшинствах и т.п.

Наиболее высокими значениями индекса MAS характеризуются Венгрия (88), Италия (70), Япония (95), Мексика (69), Венесуэла (73), Австрия (79); наиболее низкими значениями — Нидерланды (14), Латвия (9), Норвегия (8), Швеция (5), Словения (19). Для России индекс MAS, согласно Г. Хофстеде, определяется на уровне 36 пунктов⁴⁵. Россиянам, с одной стороны, свойственна «феминность» — женственность

⁴⁵ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

проявляется в значительной роли интуиции, ценности свободного от работы времени. С другой, как выявили Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко, в России такие проявления маскулинности, как амбиции, успех, дерзость, компетентность, преобладают над гармонией гораздо более явно, чем в Европе с ее экологической озабоченностью и единением с природой [24]. По сути этот же вывод делает и А. Аузан, который в отношении менеджеров высокого уровня высказывается более резко, отмечая, что в настоящее время «опровергнуто представление о русском коллективизме, потому что оказалось, что русские не просто индивидуалисты, а радикальные индивидуалисты. Именно поэтому русский менеджер высокого уровня оказывается авторитарным. Он сам знает, что делать, он относится к работе как к призванию, а не как к карьере»⁴⁶.

В исследовании взаимозависимости национальных культур по показателю MAS и экологической устойчивости Х. Парка [84] выявили отрицательную и значимую корреляцию, позволяющую предположить, что более женственные культуры проявляют более высокие уровни устойчивости. Подобный результат был подтвержден Б. Хустедом [74], а также Пенгом и Линем [85].

Индекс маскулинности имеет большое значение и непосредственно для природоохранной деятельности. В странах с низким показателем MAS отношение к законодательству в экологической сфере и государственным природоохранным организациям скорее положительно. Как правило, имеется «зона компромисса» между заинтересованными природопользователями, законодателями и регуляторами, и их отношения могут быть реально смягчены. В странах с высоким MAS, напротив, общее отношение к законодателям и власти более жесткое, что затрудняет выработку компромиссных решений. Различия выражаются и в распространенности практик добровольного участия людей в природоохранных действиях (высокая в феминистических обществах и низкая в маскулинных). В странах с низким индексом MAS добровольные экологические ассоциации, некоммерческие организации более многочисленны, в их деятельность вовлечено больше людей, бизнес там более активно взаимодействует с обществом

⁴⁶ <http://www.msu.kz/information/auzan.php>

и отдает предпочтения добровольным действиям [55]. В целом они более экологически ответственны и активны, поскольку приоритет экологических проблем достаточно высок относительно экономических вопросов. В «мужских» странах экономические соображения более важны, что может приводить к пренебрежению проблемами загрязнения окружающей среды в случае, если экономическая необходимость осознается как острая (например, экологическими рисками пренебрегли, принимая решение о развитии ядерной энергетики в Японии после Второй мировой войны, несмотря на ужасающие последствия бомбардировок Хиросимы и Нагасаки).

Индекс маскулинности позволяет лучше понять предрасположенность к насилию сообществ с различными культурами, в том числе при решении конфликтов в сфере природопользования. Как отмечает Н. Рулан [37], между некоторыми факторами экологического характера и применением насилия легко просматривается связь. Раппапорт (цит. по [37, с. 155]) настаивает на следующем факте: если население считает, что территория, имеющаяся в его распоряжении, не увеличивается, то это может вылиться в различные конфликты, приводящие к тому, что одна группа будет лишена владения землей насильственным способом в пользу другой. Согласно С. Робертсу (S. Roberts) [88], некоторые общества отдают предпочтения мирным способам урегулирования конфликтов: индейцы зуни (Северная Америка) или же мбути (охотники и сборщики плодов Конго) считают истинным человеком того, кто умеет избегать ссор. У других же (например, у замбийских ндембу), наоборот, конфликт занимает важное место в политической и социальной жизни, и они прибегают к возмездию очень часто. В обществах с высоким индексом MAS более велика вероятность неуважения, непонимания традиций природопользования малых народов со стороны доминирующих наций, чем уважительное отношение к другим культурам.

Для природоохранного планирования важна выявленная Г. Хофстеде зависимость типа принятия решений от уровня маскулинности общества. Так, в странах с высоким уровнем MAS предпочтение отдается авторитарным методам принятия решений, а не групповым; существует более сильная мотивация достижения целей; работа выполняется с большим напряжением и занимает более важное место в жизни людей. Этот вывод актуален при

выборе самих подходов к разработке планов, среди многообразия которых в качестве основных выделяются стратегический, всеобъемлющий рациональный, аполитичный, критический, протекционный и инкрементальный [48]. Анализ показывает, что при высоких индексах MAS доминирует стратегическое планирование, суть которого состоит в достижении поставленной цели, а при низких — инкрементальный подход, предполагающий многосторонние согласования, поиск компромиссов, учет интересов всех групп населения. В значительной степени по этим причинам положительный опыт локального планирования с использованием инкрементального подхода Нидерландов или Финляндии (низкий уровень MAS) оказался слабо тиражируемым в регионах России, несмотря на активные попытки его передачи. Интересно, что если в 90-х годах он еще рассматривался с интересом местными элитами, то постепенно был замещен нормативным по своей сути подходом, ориентированным на достижение установленных сверху целевых показателей. Важность территориальной координации всех заинтересованных сторон при этом стала недооцениваться, а иногда и восприниматься как своеобразный ритуал согласований высоких целей с непонятливыми подданными. Такой стереотип поведения соответствует территориям с более высокими значениями MAS. Решение природоохранных проблем, безусловно, возможно и в том и в другом случае. Однако выбор институтов природоохранного регулирования будет существенно различаться.

Внимание к индексу маскулинности сообщества целесообразно при планировании мер по повышению качества жизни, поскольку достижение желаемого результата возможно только при непосредственном учете интересов социально незащищенных групп населения. Более того, чем выше показатель MAS (когда многосторонние согласования уже кажутся малозначимой процедурой, затягивающей получение желаемого результата в отведенные короткие сроки), тем важнее понимать принципиальное значение координационных институтов, обладающих потенциалом гуманизации общества, что находит отражение и в снижении уровня MAS. Применительно к городам такой подход предполагает приоритетность интересов детей и женщин с детьми при планировании пространства. Особенно важно предоставлять детям и молодежи достаточно возможностей для игр в целях сво-

бодного развития личности, поскольку в игре и благодаря игре они познают социальный и материальный окружающий мир, учатся понимать и изменять его. С таких позиций озеленение улиц, организация парков, уютных дворов приобретает новый содержательный смысл.

Как показывают исследования во многих странах мира⁴⁷, осознание важности озеленения и благоустройства улиц — достаточно сложная социально-психологическая проблема. В обществах, где доминирует мускулиность, забота об озеленении и благоустройстве улиц, к сожалению, воспринимается многими как неактуальная. Такой подход, оцениваемый как «традиционно мужской», достаточно широко распространен; он усугубляет и без того сложное современное положение женщин и детей и поэтому не может не подвергаться критике [47]. В обществах, где величина индекса MAS средняя и выше среднего, большинство управленческих должностей часто занимают мужчины; при принятии решений они невольно руководствуются своей системой ценностей, где приоритетное место занимают такие категории, как работа, профессиональная деятельность, карьера. Поэтому для того, чтобы изменить ситуацию, осознать важность, например, озеленения и обустройства детских площадок на фоне злободневных интересов экономики и бизнеса, каждому мужчине-руководителю следует признать, что мир, в котором живут дети и женщины, их ценностные представления, не менее значимы, чем его собственные, и начать реально действовать для улучшения мира, связанного с будущим, — мира детей и женщин с детьми.

Интересна в этом отношении судьба развития такого подхода к планированию зеленых пространств городов Германии — страны с выраженным маскулинным типом культуры в первой половине XX века. В начале 30-х годов на примере Гамбурга Марта Мухо (Marta Muchow) указывала на то, что во всем жизненном пространстве ребенка улица ближе всего к его детскому восприятию. Ее работа «Жизненное пространство ребенка в большом городе» являлась новаторской в немецких научных исследованиях социализации. Она первой ввела понятие «пространство для игры и

⁴⁷ Muchow, Marta; Muchow, Hans-Jurgen: Der Lebensraum des Grossstadtkindes, 2. Aufl. Bensheim 1980. Jacobs, Jane: Tod und Leben grosser amerikanischer Staedte, Braunschweig, 1976. H.-J. Taurit, Claudia Scholz, Christa Seiler u.a. Freiflaechen zum Spielen in: Freiflaechen zum Spielen. Kommentar zu DIN 18 034/ Beuth Verlag Berlin Koeln 1991, S. 17-46.

блужданий детей» [81]. Существенно, что исследования, начатые Мартой Мухо, прекратились в 1933 году. Ее подход больше не соответствовал подчеркнuto маскулинной картине мира, города и общества последующего нацистского периода жизни Германии. Изменялось уличное пространство, и возможности для игр детей стали ограничены [92]. Только в 60-х годах идеи Марты Мухо стали постепенно реализовываться на практике.

Качество жизни несовместимо с криминогенностью и уличным насилием, которые всегда сопровождаются пренебрежением вопросами благоустройства и экологического благополучия поселений. Давно замечено, что маскулинный тип поведения людей отражает готовность к насилию. Поэтому современная социологическая теория утверждает, что в начале процесса снижения криминогенности стоит внешнее впечатление отсутствия криминогенности. В 1982 году криминологи Джеймс Уилсон и Георг Келлинг в своем эссе «Разбитые окна» исследовали упадок американских городов: «Дом, в котором разбитое стекло не заменяется новым, провоцирует дальнейший вандализм, — писали они, — до тех пор, пока не выбьют все стекла. Стабильный городской квартал, таким образом, может стать джунглями» (цит. по [47]).

Ухоженные улицы и зеленые насаждения позитивно воздействуют на криминогенную ситуацию в сторону ее улучшения: сначала повышается жилищная и деловая самозначимость (привлекательность) района, и, наконец, проблемы решаются как бы сами собой. Большинство работ по озеленению носят социальный характер, не требуют высокой специальной квалификации и в большинстве своем могут быть выполнены с использованием труда безработных. Поэтому проведение таких работ в городах России может также рассматриваться как одно из направлений решения проблемы занятости, особенно среди молодежи. Это подтверждает успешная разработка и реализация на практике группой российских и немецких специалистов целевой программы «Зеленый Данилов — город для женщин и детей»⁴⁸. Улучшение зеленых насаждений путем относительно небольших затрат способствует созданию «климата улучшения», без которого невозможно пробудить людей к активной деятельности. Другой положительный пример относится к

⁴⁸ Работа проводилась в 1996 - 1997 гг. в рамках «Плана действий администрации Даниловского муниципального округа по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды», разработанного НПП «Кадастр» Госкомэкологии РФ.

весне 1945 года, когда еще не была закончена война с национал-социализмом, а жители города Ярославля, молодежь в свободное от работы время бесплатно работали по благоустройству набережной реки Которосль.

Можно предположить, что воздействие фактора маскулинности (высокий индекс MAS) для природоохранного управления особенно значимо при определении доминирующих групп природоохранных институтов — добровольных или командных. Как уже отмечалось, природоохранное регулирование может различаться по форме: командно-административное, предполагающее жесткие санкции за нарушение законодательно установленных норм и правил, либо более мягкое, заключающееся в стимулировании экологической и социальной ответственности акторов. При высоком уровне индекса MAS, как правило, доминируют командно-административные методы природоохранного регулирования; при его понижении все более широкое распространение получают меры добровольного характера.

Природоохранные институты постоянно изменяются по мере изменения этических норм и правил и под воздействием новых знаний. Так, под воздействием экологических взглядов в конце XX века в ряде европейских стран большинство женщин стали считать неприличным украшать жилища шкурами животных, а в законодательствах Дании и Германии были предусмотрены наказания за жестокое отношение к домашним животным. Одна и та же страна может быть «фемининной» по одному параметру и «маскулинной» по другому, не говоря о социально-групповых различиях.

Как показывает большинство кросс-культурных исследований, в наиболее экономически развитых странах значение индекса MAS постепенно снижается. Об этом свидетельствует развитие неформальных объединений; чрезвычайную важность в условиях информационной революции приобретает общественное мнение; все большее распространение получают добровольные действия, основанные на чувстве ответственности перед обществом⁴⁹. Так, неформальными объединениями, как новыми, так и традиционными, в Германии охвачено около 60% взрослого населения, а в скандинавских странах эта доля еще выше — 69,5%. В то же время в посткоммунистических странах Европы охват населения общественными организациями в 3

⁴⁹ Добровольные меры природоохранного регулирования значительно менее затратны, чем принудительные, силовые (авт.).

— 6 раз ниже, чем в других странах Европы [33]. Добровольность распространяется и на бизнес. Например, после катастрофы с разливом нефти в Мексиканском заливе в США несколько крупнейших нефтедобывающих компаний создали совместный концерн, занимающийся разработкой технологий эффективного устранения последствий возможных разливов нефти методом «колпака» (Marine Well Containment Corporation). Важная инициатива банковского сектора в направлении стимулирования «зеленого инвестирования» широко известна под названием «Принципы экватора»⁵⁰.

Механизмы добровольной кооперации в настоящее время наиболее широко распространены в Канаде, США, Новой Зеландии, Швейцарии, Англии, Нидерландах, Германии, Японии, Греции, Португалии, Испании, Ирландии; заметную роль они играют в ЮАР, Индии, Бразилии, Литве, Латвии, Эстонии, Китае. В то же время их роль все еще незначительна в таких странах, как Россия, Украина, Казахстан, Беларусь.

Наши исследования [45] показали, что фактор маскулинности, который находится в основе базовой структуры «командных» природоохранных механизмов, существует практически во всех странах, включая и те, где добровольные механизмы также хорошо развиты. Иными словами, добровольные механизмы часто выполняют роль «пряника» в системах, предполагающих также и наличие «кнутов». В редких случаях, когда добровольные механизмы оказываются ключевыми в рамках системы природоохранных мер в какой-либо области, их применение зачастую оказывается малоэффективным. Яркий пример такой ситуации демонстрируют США, где управление отходами традиционно происходит в рамках строгой «командной» системы. В то же время в 90-х годах XX века при разработке национальной стратегии по сокращению отходов в процессе «жизненного цикла» упор был сделан на добровольные механизмы при незначительной «контрольной» составляющей. Последующие исследования эффективности таких мер (спустя более десяти лет после их внедрения) показали весьма ограниченную эффективность. Таким образом, важно учитывать, что наличие таких механизмов не предполагает полного замещения ими «командных» подходов⁵¹.

⁵⁰ <http://www.equator-principles.com>

⁵¹ НИР «Разработать предложения по формированию нормативного правового обеспечения экономического стимулирования хозяйствующих субъектов, в том числе в части совершенствования системы нормативов платы за размещение отходов производства и потребления, создания и внедрения малоотходных и ресурсосберегающих технологий и оборудования, а также повторного вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот». – АНО НИПИ «Кадастр», 2013.

Исследования в области природоохранного менеджмента показали, что внутренняя экологичность поведения сотрудников компаний на всех уровнях управления выше в странах с низкими значениями MAS [55]. Однако существенной корреляции между инвестициями в развитие корпоративной социальной ответственности (КСО) и индексом MAS не было обнаружено [94].

ИНДЕКС ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА БУДУЩЕЕ (LONG-TERM VS SHORT-TERM ORIENTATION (LTO))

Это измерение, в оригинале называемое Конфуцианским динамизмом⁵², описывает временной горизонт общества и характеризует степень, с которой общество демонстрирует прагматическую ориентацию на выживание в далеком будущем, в противоположность ориентации, преследующей быстрый результат. При долгосрочной ориентации (высокий индекс LTO) время рассматривается как вектор, но при этом люди больше склонны смотреть в будущее, чем сосредотачиваться на настоящем или вспоминать прошлое; преобладают настойчивость, упорство, расчетливость, доминирование отношений с учетом статуса людей, бережливость, чувство стыда. Такие общества высоко ценят долгосрочные результаты. В культурах с краткосрочной ориентацией на будущее (с малым значением индекса LTO) время часто рассматривается как замкнутый круг или со значительной долей неопределенности будущих событий; будущее и прошлое для них связано между собой, и то, что не может быть сделано сегодня, может быть сделано завтра. В таких культурах доминирует желание стабильности и уважение к традициям, распространено возвратно-поступательное движение поздравлений, знаков внимания и подарков; характерна ориентация на выполнение государством социальных обязательств.

Примечательно, что название «конфуцианский динамизм» сегодня не используется из-за того, что влияние фактора долгосрочной ориентации было обнаружено не только в конфуцианских культурах. Интересно, что воодушевленный результатами Китайского ценностного опроса Г. Хофстеде

⁵² Впервые индекс был получен китайскими учеными в Китайском ценностном опросе («Chinese value survey»). URL: http://cross-cultural.jimdo.com/aiaa_oezzaiza_aeai.php.

попросил и специалистов из Африки разработать свой собственный ценностный опросник, в ценностном отношении «афро-центрированный». Однако проведенный опрос лишь повторил уже имеющиеся измерения, и в настоящее время индекс используется Г. Хофстеде в качестве одного из базовых индикаторов культуры.

Отметим, что ориентации культур по индексу LTO не имеют оценочной составляющей с позиций хорошо или плохо для людей — они представляют собой ориентации по отношению к жизни⁵³. Так, при краткосрочной ориентации природоохранная цель может идентифицироваться с Истиной, в то время как долговременная ориентация отождествляется с Добродетелью⁵⁴. Краткосрочная ориентация на результат наблюдается, когда члены общества знают, чего они хотят, и готовы устанавливать конкретные во времени природоохранные цели и задачи, чтобы достичь Истины. Однако в долгосрочной перспективе индивидуумы могут ориентироваться и на Добродетель, которая также предполагает и экологическую составляющую.

Наиболее высокие значения индекса LTO характерны для Китая (87), Тайваня (93), Японии (88), Республики Беларусь (81), Бельгии (82), Эстонии (82), Германии (83), Южной Кореи (100); низкими значениями характеризуются страны Восточной Африки (9), Египет (7), Доминиканская Республика (13), Колумбия (13), Венесуэла (16), Тринидад и Тобаго (16), Гана (4), Марокко (14), Зимбабве (15)⁵⁵.

Для Российской Федерации индекс по Г. Хофстеде определен на уровне 81 пункта. Однако большинство российских исследований демонстрируют более низкие результаты (таблица 1). Так, если в Китае люди указывают средний срок планирования своей жизни в 25 лет, то в России более 60% в аналогичном опросе указали, что могут планировать свою жизнь на временной промежутке от 1 до 5 лет, а 15% молодежи и 35% взрослых вообще не могут спланировать будущее даже на год⁵⁶. Развивающий этнометри-

⁵³ См. больше: <http://translate.googleusercontent.com/>

⁵⁴ Конфуций ориентировался на Добродетель, но оставил вопрос Истины открытым. В конфуцианской литературе выделяются следующие 5 добродетелей, присущих «благородному мужу» (1) «Жень» – самая главная добродетель: человеколюбие (близко к европейскому понятию «гуманизм»); (2) «Синь» – верность, постоянство, надежность; (3) «И» – долг, следование долгу; (4) «Чжи» – знания, умения, образованность; (5) «Ли» – знание ритуала и следование ему. Иногда к этим пяти добродетелям историки философии прибавляют еще одну – «сяо» – сыновью почтительность (авт.).

⁵⁵ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

⁵⁶ Восканян М. Русская ментальность в организационной культуре. 12.04.2010. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/387/>

ческие исследования в близком Г. Хофстеде направлении Ф. Тромпенаарс [94] отметил ряд важных моментов: в России многие люди не стремятся ориентироваться на конкретные дела сегодняшнего дня, зато они очень много заняты выстраиванием для себя задач, что и как надо сделать; много смотрят в прошлое — в свое и прошлое страны — и также много смотрят в будущее, но они при этом не планируют его даже на год. Большинство американцев, напротив, по мнению Ф. Тромпенаарса, полагают, что они хозяева своей судьбы, и это выражается в стремлении переделать окружающую среду, причем зачастую они действуют в довольно агрессивной манере. Большинство азиатских культур не разделяют подобных убеждений. Их представители основываются на том, что развитие идет зигзагообразно и важно «ухватиться за гребень волны и плыть по течению». Отсюда большая гибкость и стремление к гармонии с природой.

Г. Хофстеде не были установлены прямые связи между характером ориентации сообщества на будущее и природоохранными институтами. Тем не менее некоторые общие предположения о двух полюсах этого измерения могут быть сделаны применительно к сохранению окружающей среды. Ориентированные на короткий временной горизонт общества сосредоточены на скорейшем удовлетворении потребностей, которые ограничены исключительно доступностью ресурсов. При этом они ожидают быстрых, непосредственных результатов от своих усилий; социально значимые последствия истощения природной базы в долгосрочной перспективе не воспринимаются ими в качестве актуальных задач настоящего дня. Иными словами, в таких странах более вероятны чрезмерное потребление природных ресурсов и его негативные экологические последствия [66, с. 25]. Предпринимая природоохранные меры, распорядители ресурсов в этих странах сосредотачиваются на действиях, которые обеспечивают краткосрочные выгоды, пренебрегая инвестициями в проекты с долгосрочной экологической результативностью. Природоохранные затраты предприятий в странах с низким ЛТО чаще всего расцениваются как инструмент единого корпоративного управления, нацеленного на получение дохода в краткосрочной перспективе. Как правило, такой подход игнорирует важнейшую цель — непрерывное повышение экологической эффективности.

Общества с долговременной ориентацией на будущее (высокий LTO) имеют более сильную экологическую ориентацию, а консервативное управление природными ресурсами там расценивают как важное достоинство, поскольку потребности не воспринимаются как подлежащие немедленно удовлетворению любой ценой, и их удовлетворение может быть отсрочено. В первом приближении, можно предположить, что общества с высоким LTO более обеспокоены сохранением окружающей среды. Однако это не совсем так, ибо опыт роста экономики Китая 90-х годов сопровождался слабой заботой об окружающей природной среде, что свидетельствует об обратном. Скорее всего, более корректно говорить о восприимчивости того или иного общества к целеполаганию развития на длительную перспективу. При этом, если у большинства людей в представлениях о счастливом будущем себя и своих детей слаба экологическая составляющая, то природоохранная деятельность может даже тормозиться. Тем не менее, высокий LTO может способствовать принятию в конкретном сообществе подходов комплексного устойчивого развития и рационального природопользования. Природоохранные институты могут быть включены в существующие национальные и корпоративные институциональные системы только при условии, что их важность понята и признана с позиций долгосрочной перспективы. В целом же, инвестиции в предотвращение загрязнения положительно коррелируются с LTO. Иными словами, долгосрочные ориентации совместимы с признанием будущей выгоды от инвестиций сегодня в более чистую окружающую среду [61].

ИНДЕКС «СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВ САМООГРАНИЧЕНИЙ (INDULGENCE VERSUS RESTRAINT (IVR))

Это измерение, согласно Г. Хофстеде, характеризует способность культуры ограничивать или стимулировать удовлетворение сиюминутных потребностей и личных желаний членов общества [71]. В обществах (высокие значения индекса IVR), где самоограничение является ценностью, преобладают строгие социальные правила и нормы, в рамках которых сдерживаются и

не поощряются личные желания⁵⁷, приветствуется сдержанность. Здесь люди ожидают материальной награды за хорошо сделанную работу, однако легко могут почувствовать себя несправедливо обиженными, поскольку для них важны статусные оценки. Снисходительность (низкий индекс IVR) присуща обществам, в которых допускается относительно свободное удовлетворение некоторых желаний и чувств, особенно тех, которые связаны с отдыхом, тратой денег, потреблением и сексом. В культурах, по-разному относящихся к снисходительности и самоограничениям, различается и отношение к свободе самовыражения: в «снисходительных» обществах она поощряется, в то время как в «сдержанных» считается излишней роскошью.

Высокими значениями IVR характеризуются страны Западной Африки (78), Колумбия (83), Эль Сальвадор (89), Нигерия (84), Венесуэла (100), Мексика (97), Гана (72). Низкими значениями характеризуются Албания (15), Болгария (16), Республика Беларусь (15), Египет (4), Эстония (16), Гонконг (17), Ирак (17), Латвия (13), Молдова (19), Литва (16), Украина (14). Для Российской Федерации, согласно Г. Хофстеде, индекс «снисходительность против самоограничений» равен 20 баллам⁵⁸.

Индекс IVR значим для выбора наиболее результативных природоохранных институтов для условий каждой страны, поскольку отражает диапазон приемлемых решений и характер потребительских предпочтений. Последнее, с позиции экологической безопасности, особенно актуально, поскольку важнейшим вопросом экологической этики общепризнана проблема потребления, которая в основных религиях и культурах мира трактуется практически однозначно — как требование ограничения потребностей [10, с. 230]. А. Тойнби отмечал, что «Все философии и религии мира сходятся в том, что человек должен стремиться к подавлению своего эгоцентризма» [39, с. 302]. Очевидно, что этические и религиозные установки в разной степени ограничивают потребление. Например, в исламской культуре существует запрет на свинину, в индуистской — на говядину. Несмотря на то, что глубоких исследований влияния IVR на природоохранную деятельность не проводилось, можно сделать ряд предположений относительно двух полюсов измерения.

⁵⁷ <http://www.geerthofstede.nl/>

⁵⁸ <http://www.geerthofstede.eu/research-vsm>, по состоянию на январь 2014 г.

Общества с низким IVR, где культурные коды позволяют относительно свободно удовлетворять свои гедонистические потребности, менее экологичны, поскольку культуры не препятствуют увеличению потребления природных ресурсов, энергии и экосистемных услуг. Такой тип поведения в последнее столетие получает все более широкое распространение. Следствием этого стало нарастание глобальных экологических проблем, таких как ускорение климатических изменений, нарастание темпов потерь биоразнообразия и т.д.

В свою очередь, как отмечают многие отечественные и зарубежные авторы [26, 65], возрастающее разрушение окружающей среды и истощение природных богатств неизбежно подрывают общество потребления. Однако этот процесс неравномерен, и наиболее тяжёлые последствия наблюдаются в неустойчивых обществах, принявших догоняющую модель развития. Распространение природоохранных стандартов поведения в условиях относительно слабых этических норм в природоохранной сфере требует больше времени и затрат. Например, относительно быстро происходило привыкание населения к раздельному сбору бытовых отходов в протестантской Германии и более сложно в южных странах католической Европы (например, в Италии). Можно предположить, что и проведение экомодернизации в странах с низким значением IVR будет более сложным. Наоборот, успех стран с высоким IVR в сдерживании роста потребностей на основании ограничивающих этических и религиозных норм кажется более вероятным. Здесь этические нормы в большей степени контролируют и сдерживают удовлетворение потребностей в природных ресурсах, энергии и экосистемных услугах, поскольку люди, являясь носителями более строгих культурных кодов, ощущают меньшую необходимость в наслаждении жизнью.

Следует, однако, учитывать, что такой экологически полезный результат в этих обществах с высоким IVR, решающим образом зависит от экологичности сознания властных элит, которое отражается в структуре их ценностных предпочтений. Наибольшим же недостатком обществ с высоким IVR с позиций экологии следует назвать консервацию исторически сложившегося, а значит, как правило, суженого относительно потребностей сегодняшнего дня, диапазона выбора приемлемых решений в природоохранной сфере. Поэтому, стремление сохранять неизменным

привычный уклад жизни может препятствовать проведению экомодернизации и блокировать импорт природоохранных институтов, особенно универсальных, связанных с глобальной безопасностью.

Достаточно ярко IVR выражается в доминировании того или иного типа природоохранных институтов — стимулирующих или подавляющих. Для культурного кода стран с низкими значениями IVR в большей степени приемлемы стимулирующие природоохранные институты (такие, например, как государственные субсидии, гранты, пониженные ставки налогов, дотации для определенных регионов или сообществ, системы залогов и платы за возвращение вторсырья, а также особые правила в системе закупок). Подавляющие институты, наоборот, в большей степени соответствуют культурным кодам странам с высокими значениями IVR: там шире используются налоги, штрафные санкции и иные сборы.

Следует отметить, что в условиях экономической глобализации усиливается взаимопроникновение институтов, выработанных в условиях культур, различающихся индексом IVR. Например, в США (IVR — 68 пунктов) широко распространены формально закрепленные предпочтения в области государственных закупок в пользу продуктов, содержащих материалы, полученные в результате вторичной переработки отходов. Такие правила действуют как на федеральном уровне, так и на уровне штатов (Арканзас, Колорадо, Индиана и др.) и в муниципалитетах. Другим примером более комплексного «стимулирующего» подхода является создание в г. Хидерабад (Индия, IVR — 28 пунктов) предприятия по производству топлива из отходов. Финансирование предприятия производилось на льготных условиях (ставка в 6% годовых, двухгодичная отсрочка возврата, амортизация в течение 5 лет) за счет правительственного Совета по развитию технологий, задачей которого является целевая поддержка развития новых технологий, особенно в области возобновляемых источников энергии. Государство также приложило усилия для создания рынка сбыта продукции завода в Хидерабаде за счет ужесточения требований по допустимым уровням выбросов предприятий, использующих низкокачественный уголь, с целью перевода их на использование топлива, производимого из отходов⁵⁹. В Японии (IVR — 54 пункта) государство

⁵⁹ Inter-American Development Bank, 2003. Global Review of Economic Instruments for Solid Waste Management in Latin America. URL: <http://ideas.repec.org/p/ida/brikps/9019.html>

часто выполняет роль «наставника» для частного сектора, определяющего перспективные направления в развитии не только экономики в целом, но и отдельных технологий [83], предоставляющего субсидии и иные льготы для развития таких технологий, но в то же время при необходимости меняющего курс в соответствии с изменениями экономической и политической ситуации.

ИНДЕКС СТАБИЛЬНОСТИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ (STABILITY OF THE PROPERTY RIGHTS (SPR))

Для повышения качества институционального анализа природоохранной деятельности целесообразно не только изучение воздействия на нее внешних, культурных факторов, измеряемых методами этнометрики, но и рассмотрение собственности как особого, автономного базисного института, рассматриваемого как феномен культуры, который не только адаптируется к воздействию внешних факторов, но и может вступать в конфликт с ними и отвергать их. При таком ракурсе влияние внешних культурных факторов и собственность, рассматриваемая как ценность, занимающая определенное место в культуре⁶⁰, могут измеряться в рамках общей системы этнометрических индексов.

Следует отметить, что в истории человечества отношение к собственности, как, впрочем, и к деньгам, колебалось от одного полюса моральной оценки к другому: «Деньги (как и права собственности — авт.) как непреходящий атрибут любого общества являются зеркальным отображением культурных и религиозных законов существования людей» [3, с. 5]. Это связано с тем, что «дуализм между царством Духа и царством Кесаря — совершенно необходимое утверждение свободы человека» [2, с. 586].

Собственность в рамках неoinституционализма рассматривается как пучок правомочий, эволюция которого в исторической ретроспективе обусловлена историко-культурной инерцией социальных (прежде всего экономических) институтов [29, 54, 79, 86] и др. Как явление культуры институт собственности несет в себе все основные черты той культуры, в которой

⁶⁰ Ценность – положительная или отрицательная значимость (полезность – авт.) объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерии и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях. Цит. по Современный толковый словарь. URL: <http://poiskslov.com/>

он существует, и этим объясняется наличие значительных межстрановых различий. Поэтому для повышения качества институционального анализа в природоохранной сфере индексы Хофстеде целесообразно дополнить индексом «стабильность прав собственности» (Stability of the property rights (SPR)), поскольку точность определения и историческая укорененность прав собственности, точнее, историческая память, сила традиций их соблюдения, формируют важнейший фактор успешности и в некоторых случаях даже самой возможности применения целых групп природоохранных институтов.

Величина предлагаемого индекса SPR может быть определена по 100-балльной шкале (как и Хофстедовы индексы)⁶¹. При высоких значениях индекса SPR права собственности⁶² на все объекты четко обозначены, и их незыблемость бесспорна, то есть не только закреплена законодательно, но и является абсолютно легитимной в сознании индивидуумов (экономических агентов); разрешение возникающих спорных вопросов экономического характера (например, определение размера и взимание компенсации за нанесенный ущерб) не требует специального государственного регулирования⁶³; интернализация «экологических» издержек в значительной степени переходит в область мер технического характера, что предполагает минимизацию правоприменительных усилий в природоохранной сфере со стороны государства. В значительной степени такая ситуация в завершенном виде может рассматриваться как гипотетическая, поскольку реалии природопользования любой страны, в отличие от описанной гипотетической, всегда характеризуются той или иной степенью неопределенности и относительности прав собственности.

⁶¹ На первом этапе целесообразно использовать методы экспертных оценок, в том числе с использованием фокус-групп (авт).

⁶² Понятие прав собственности в неинституциональной теории трактуется преимущественно как множество норм, регулирующих доступ к ограниченным ресурсам, в том числе и природным. Права собственности суть «правила игры», упорядочивающие отношения между индивидуумами. С точки зрения самих индивидуумов права собственности суть «пучки правомочий» на доступ к ресурсам. Передача этих пучков правомочий от индивидуума индивидууму (полная или частичная) есть сделка, которая может быть мгновенной, но может быть и срочной, то есть передача прав собственности может носить длительный характер. Такие сделки — суть контракты. Контракт есть обмен обещаниями; он ограничивает будущее поведение сторон и может быть явным или неявным.

⁶³ Согласно теореме Коуза, чем более точно определены права собственности, тем в большей степени внешние издержки превращаются во внутренние; при нулевых транзакционных издержках рынок справляется с любыми внешними, в том числе природоохранными, эффектами. Впервые теорема была сформулирована Джорджем Стиглером в 1966 году следующим образом: Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо от изменений в распределении прав собственности. Формулировка Стиглера была основана на опубликованной в 1960 году статье Рональда Коуза «Проблема социальных издержек» (англ. «The Problem of Social Cost»).

Минимальные значения SPR отражают неопределенность и неустойчивость прав собственности, что ориентирует экономических агентов на действия в краткосрочной перспективе: при выборе методов природоохранного регулирования предпочтения справедливо отдаются институтам, способным экологизировать непродолжительные экономические операции, для которых характерно стремление к максимально быстрому получению прибыли. К таким регуляторам относятся прямые административные запретительные действия, штрафы. Теряют привлекательность инвестиционные решения, в том числе связанные с долгосрочным положительным экологическим эффектом. В целом, при неопределенности и неустойчивости прав собственности учет экологических аспектов при принятии решений бизнесом становится делом «далеко не первой важности» и превращается в систему мер краткосрочного реагирования на действия специально уполномоченных государственных органов. Диапазон выбора природоохранных институтов государственного регулирования весьма узок, так как не предполагается возможность влияния на загрязнителей в процессе жизненного цикла производимой ими продукции, а также снижена роль плановых, стратегических решений. В такой ситуации существенно возрастают риски деструктивного поведения экономических агентов по отношению к окружающей среде и природным ресурсам. Такие риски особенно возрастают в периоды нестабильности для сохранения природных ресурсов общего пользования.

Выполненный совместно с В.Г. Фоменко [45] анализ фактора «точность определения прав собственности и сила исторических традиций их соблюдения» и его проявлений в различных социально-экономических системах позволил выявить четыре основные типологические группы стран (таблица 2).

Очевидно, что наиболее близкими Российской Федерации, несмотря на региональные различия, являются Украина, Казахстан, Беларусь (третья и четвертая группы); следует учитывать также процессы изменения прав собственности и в странах Ближнего Востока, а также в многоконфессиональной Индии. Страны ОЭСР практически все отнесены к первой и второй группам. Примечательно, что выполненное в 2004 – 2005 годах специальное кросскультурное исследование⁶⁴ показало, что все постсоветские страны (будь то Эстония, Украина или Чехия) были все еще схожи друг с другом в плане низ-

⁶⁴ European social survey. Round 2: 2004-2005

Таблица 2 Группировка стран по фактору «точность определения прав собственности и сила исторических традиций их соблюдения»

Точно определены, сильные исторические традиции соблюдения	Точно определены, слабые исторические традиции соблюдения	Нестабильны, сильные исторические традиции соблюдения	Нестабильны, слабые исторические традиции соблюдения
Англия, Нидерланды, Германия, Китай, Польша, Финляндия, Швеция, Норвегия, Швейцария, Саудовская Аравия, Япония	США, Канада, Новая Зеландия, ЮАР, Чили, Бразилия.	Индия, Литва, Латвия, Эстония, Чехия, Украина (западная), Беларусь, Иран	Россия, Украина (восточная), Казахстан, Монголия, Турция

Источник: Фоменко Г.А., Фоменко В.Г. Институциональные факторы импортирования природоохранных институтов: на примере механизмов стимулирования сокращения выпуска экологически неблагоприятной продукции // Формирование и реализация экологической политики на региональном уровне: материалы VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 24 – 25 октября 2013 г. / под науч. ред. Г.А.Фоменко – Ярославль: Изд-во Академии Пастухова, 2013. – С. 216 – 222.

кого уважения к правам собственности (относительно Западноевропейских стран). Что касается Российской Федерации, следует особенно внимательно отнестись к истории развития института собственности в странах второй и третьей групп, влиянию этих изменений на характер и особенности развития природоохранных институтов.

Природоохранная результативность гипотетически достижима при доминировании как частной, так и «верховой условной собственности»⁶⁵, когда стабилизируются институциональные системы. Тем не менее, характер и тренды развития институциональных территориальных систем, в том числе в природоохранной сфере, в значительной мере определяются доминирующей формой собственности. Например, именно различия траекторий исторического развития института прав собственности лежат в основе сложившихся сегодня основных правовых систем: статутного (гражданского) права в Рос-

⁶⁵ Термин был удачно предложен О.Э Бессоновой и С.Г. Кирдиной [4, 16].

сийской Федерации и прецедентного (общего) англо-саксонского права, которое доминирует в рамках Совета Европы, Европейского Суда и большинства стран-членов ОЭСР⁶⁶. В настоящее время безусловное преобладание в наиболее экономически развитых странах получила система общего права, уходящая корнями в феодальную систему, важнейшая предпосылка которой заключалась в широкой вариабельности степени спецификации прав собственности⁶⁷: от частной до государственной собственности; в качестве промежуточного звена принято выделять коммунальную собственность.

История развития института собственности показывает, что именно собственность на природные ресурсы, землю и экосистемные услуги следует рассматривать в качестве высшей формы присвоения ресурсов развития, которая в наибольшей степени определяет все остальные отношения людей, в том числе и мотивы поведения. Так, частная собственность на природные ресурсы и землю главенствовала еще в Римской империи в эпоху ее расцвета и сейчас составляет остов хозяйственной системы стран-членов ОЭСР (большинство европейских стран, США, Канада, Новая Зеландия и др.). Напротив, на протяжении всего исторического развития России доминирующим институтом, регулирующим отношения собственности, в том числе на землю и природные ресурсы, можно считать фактически самодержавный институт, названный, как уже отмечалось, С.Г. Кирдиной и О.Э. Бессоновой «верховой условной собственностью» [4, 16]. Как справедливо отмечает В.В. Вольчик [7], вотчинная форма землевладения, характерная для московской модели, не позволяла формироваться устойчивым группам интересов, которые были бы заинтересованы и имели возможности внедрить институциональные инновации, способствующие индивидуализации собственности. Блокировка на институте власти-собственности объясняется не только зависимостью от предшествующего пути развития, но и тем фактом, что такая система собственности служит интересам государства в лице верховной власти. Устойчивость и экспансия

⁶⁶ Так, в гражданском праве право собственности трактуется как единое и неделимое. Собственником какого-либо объекта может быть только один человек, а в качестве правомочий, входящих в его право собственности, признаются только право владения, право пользования и право распоряжения. В общем же праве право собственности на ресурс трактуется как пучок правомочий, которые могут быть закреплены за разными индивидами. В этом случае количество правомочий значительно больше, чем в гражданском праве, что позволяет более дифференцированно учитывать природоохранные экстерналии.

⁶⁷ Спецификация прав собственности определяется как исключение других из свободного доступа к ресурсу, в том числе природному, или к экологическому благу.

государства сочеталась в этой модели с нестабильностью и условностью прав собственности (в основном собственности на землю). Согласно современным исследованиям ряда российских историков, помещная система землепользования была заимствована у Османской империи [28].

Модернизационные процессы и инновации в техническом развитии в значительной степени определяют необратимость «стрелы времени»⁶⁸. Однако способность к саморазвитию институциональных систем с различающимися правами собственности, их приспособляемость к новым технологическим циклам, как показывает исторический опыт, различна [34]. В любом случае стремление стран и национальных элит «вписаться» в новый мир, преобразовывающийся каждый раз в связи с переходом к новому модернизационному циклу, можно рассматривать в качестве важнейшего стимула институциональных изменений. Например, отмена крепостного права в имперской России в 1861 году и начавшееся укрепление института частной собственности произошли потому, что к тому времени крепостное право значительно увеличивало транзакционные издержки внутри самого крепостного хозяйства, при обменах внутри страны, а также при внешних обменах, что делало его неэффективным уже на микроуровне, замедляло модернизацию экономики; отставание наиболее ярко проявилось в поражении Российской империи в Крымской войне.

Между тем, социокультурные традиции устойчивы, о чем свидетельствует поддержание значительной массой крестьянского населения на протяжении нескольких столетий архаической в своей основе идеи возврата к «правде», например в форме Пугачевского бунта XVIII века⁶⁹ или большевистского переворота начала XX века и последующей гражданской войны, также поддержанными крестьянским большинством⁷⁰. В их основе лежит все та же верховная условная собственность, приверженность которой со

⁶⁸ Представления о направленности и необратимости времени, о потоке времени, определяющие понятие "стрелы времени", имеют всеобщее распространение в философской литературе начиная с античности. Традиционно в истории научно-философской мысли отождествление сущности феномена времени с необратимостью (Турсунов А. Направление времени: новые аспекты старой проблемы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 72).

⁶⁹ Ядром восстания, что признается большинством историков, стали яички казаки-старообрядцы. Затем к ним присоединились отряды башкир и других народов Поволжья, уральские рабочие люди, а также крестьяне, составлявшие большинство на последнем этапе восстания. Ни в одном из документов восставших не ставилась задача изменить формы государственной власти, повстанцы рассчитывали «известить возмутителей империи и разорителей крестьян» и посадить при этом на трон «хорошего царя».

⁷⁰ Нельзя не заметить близость лозунгов большевиков старообрядческим представлениям о «правде» и отнюдь не случайная поддержка многими старообрядцами, в т.ч. купцами и промышленниками большевистского движения.

стороны значительной части населения уже привела к страшным для генфонда страны последствиям, к растрате основных ресурсов развития. Уничтожение буржуазных порядков и самих их приверженцев в институциональном плане было бунтом, новой попыткой реализации идеи возврата к построению крестьянского рая на земле. Можно достаточно уверенно констатировать, что в результате трансформационного кризиса институт власти-собственности благополучно сохранился и с некоторыми мутациями продолжает доминировать в хозяйственной жизни [34].

Сегодня в России, особенно на селе и в малых городах, все еще велико влияние сложившихся еще в древности представлений о «правильном» природопользовании. Как отмечает И.Н. Белобородова, изучавшая влияние этнокультурных традиций на формирование институтов природопользования в Ярославской области (2001), в русской традиции существует устойчивое представление о том, что «лес и земля Божьи», а потому владеть ими может всякий нуждающийся без особых на то ограничений со стороны светских и духовных властей. Аналогичным образом бытовало убеждение, что «грешно запрещать кому бы то ни было ловлю рыбы или брать за это деньги, так как рыба дана Богом на общую пользу, так как воды — «Божья пазуха» [51]. Исследования, выполненные нами в Даниловском муниципальном районе Ярославской области [43], показали устойчивость таких представлений. Об этом свидетельствуют заниженные показатели экономической ценности общедоступных природных ресурсов (полученные с использованием методов теории полезности, особенно «готовности платить»). При этом саму «готовность платить» высказали менее 10% опрошенных, а 90% заявляли, что платить за воду не будут ни при каких условиях, однако необходимость «справедливой» оплаты затрат на доставку воды, обустройство колодцев признавалась многими [43].

Таким образом, отношения частной собственности в Российской Федерации в настоящее время характеризуются «размыванием», неустойчивостью и нечеткой спецификацией, а также повышенной ролью государственной формы по отношению практически ко всем объектам прав собственности (если рассматривать собственность как пучки реальных правомочий). В значительной степени именно с этим связаны сложности

перехода от налогообложения труда к рентным формам налогообложения (последнее предпочтительнее с природоохранных позиций). Не менее важно, что в такой ситуации чрезвычайно затруднено применение механизмов интернализации экстерналий во взаимоотношениях между собственниками без участия государства; именно поэтому механизмы компенсации нанесенного экологического ущерба, широко распространенные на Западе, так сложно приживаются в российских условиях.

Слабость института частной собственности также способствовала и укреплению традиций ресурсорасточительности. Причем в критической ситуации, особенно связанной с угрозами Государству, демонстрируется поражающая воображение ресурсо- и человекорасточительность, так называемая «победа любой ценой». Эти черты народного сознания, в отличие, например, от подходов бережливых немцев, создают дополнительные трудности для природоохранного управления. В Российской Федерации именно по причине неукорененности института частной собственности исторически велика роль формального государственного утверждения любых ограничивающих и регулирующих природоохранных институтов. Например, весьма широко применяемые в зарубежной судебной практике методы экономической оценки экологического ущерба в Российской Федерации должны быть в обязательном порядке утверждены на государственном уровне. В результате система экономического регулирования природопользования существенно менее динамична, чем в большинстве стран ОЭСР с иными институциональными традициями.

Как уже отмечалось, наиболее опасны с природоохранных позиций периоды реформирования жестко централизованной правовой системы, сопровождающиеся нарастанием институциональной неустойчивости. В таких условиях помимо стремления к сокращению периода неустойчивости требуется повышенное внимание к поддержанию стабильности прав собственности на общедоступные природные ресурсы: землю, воду, лес, объекты биоразнообразия. Это объясняется тем, что стабильность прав собственности является важнейшим условием решения «дилеммы безбилетника» и «дилеммы заключенного»⁷¹ в природопользовании, а в отноше-

⁷¹ Базовые понятия теории игр, которые широко используются в институциональной экономике (Бьюкенен, 1999, Норт, 1997 и др.).

нии природных ресурсов совместного пользования (ПРСП) — одно из основных условий смягчения «трагедии общего достояния»⁷². Существо трагедии заключается в том, что природопользователи неспособны, или не желают достичь согласия и выработать эффективную, с расчетом на долгосрочную перспективу, стратегию управления ПРСП. И это при том, что каждый из них, наряду с краткосрочным интересом максимизировать прибыль, способен быть выразителем и долговременных интересов, направленных на сбережение ПРСП. Однако согласованию сиюминутных индивидуальных и долговременных общественных интересов препятствуют высокие затраты и трудности, связанные с выработкой и соблюдением общих договоренностей, издержки на получение необходимой информации и т.п. Если эти издержки выше потенциальных выгод, то соглашение вряд ли будет достигнуто, и процесс деградации и разрушения ПРСП будет неизбежен. Например, именно в моменты изменения земельного законодательства, когда выделялся переходный период и фактически ослаблялся институт собственности, крестьяне и помещики усиливали вырубку лесов [36]. Подобное можно было наблюдать и в ситуации с бывшими межхозяйственными лесами в 90-е годы XX века, которые подверглись интенсивной вырубке.

⁷² Это явление было проанализировано в 1968 году Гарретом Хардиным (Hardin G., 1993).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение на теоретическом уровне характера социокультурной обусловленности институционального развития в природоохранной сфере, измеряемой по шести культурным индексам Г. Хофстеде с дополнением индексом «стабильность прав собственности», позволяет глубже понять основу природоохранной деятельности на той или иной территории, оценить влияние культур на решение экологических проблем, уточнить и расширить представления об институциональных ограничениях и тенденциях развития природоохранных институциональных систем и на этой основе определить диапазон приемлемых решений для распорядителей ресурсов.

Действительно, для повышения результативности природоохранных институтов в любой культуре следует найти ответ на вопрос, какие системы взглядов нужно понять, прежде чем рассчитывать на успех предполагаемых институциональных изменений. Поэтому инструментарий этнометрики должен стать важнейшим элементом социокультурной методологии управления природоохранной деятельностью [35, 44 – 46], поскольку позволяет реально измерять влияние социокультурных факторов на развитие институциональных систем в природоохранной сфере, более того, выявлять влияние культур на экологическую устойчивость. Наиболее существенно, что использование социокультурных индексов позволяет априорно оценивать конкретную культуру как фактор, задающий тренд развития и ограничивающий выбор приемлемых вариантов решений по институциональным или организационным изменениям в природоохранной сфере.

Зависимость природоохранных институциональных изменений от культурных индексов носит, безусловно, весьма общий характер, поэтому применение универсальной шкалы ценностей к оценке поведения людей требует осмотрительности. В каждом конкретном случае целесообразно исходить из особенностей сложившейся ситуации, рассматривая культурные измерения только как индикаторы, помогающие оценить культурную среду для облегчения принятия решений. Важно также учитывать, что социокультурные индексы не могут предсказать поведение отдельных лиц с

учетом личностных особенностей каждого конкретного человека. Следует принимать во внимание и существенную региональную дифференциацию социокультурных условий России, особенно глобальный процесс нарастания поведенческих различий между жителями крупных городов (постиндустриальные тенденции) и сельским населением.

В прикладном аспекте это означает включение в инструментарий управления природоохранной деятельностью специальной группы индикаторов, важнейшую роль в которой играют индексы Г. Хофстеде: «дистанция по отношению к власти» (PDI), «избегание неопределенности» (UAI), «индивидуализм–коллективизм» (IDV), «маскулинность — фемининность» (MAS), «долгосрочная ориентация» (LTO), «снисходительность против самоограничений» (IVR), дополненные индексом «стабильность прав собственности» (SPR). Их использование дает возможность повысить качество априорного отбора для импортирования природоохранных институтов с учетом социокультурных условий страны и ее регионов, а в случае присоединения страны к международным соглашениям разработать адекватную дорожную карту.

Многочисленные исследования не оставляют сомнений в национальных особенностях России и российского общества, которое отличают свойства институциональной матрицы, культурные индексы, менталитет сограждан, особенности поведенческих практик. Более того, как справедливо отмечают А. Аузан и др. [11, с. 82], среди специалистов независимо от мировоззренческих установок существует определенный консенсус по поводу того, в чем специфика России, «русского пути» и сформированного на нем «русского типа». Это отмечается несмотря на то, что культура в современном российском обществе разнородна: она содержит как элементы дореволюционной российской культуры, так и элементы, сформировавшиеся непосредственно под влиянием советской системы, советской культуры, и, наконец, элементы, заимствованные из западной экономической культуры.

Очевидно, что в ближайшие годы планировать и проектировать развитие системы природоохранных институтов в России предстоит в условиях консервативного сценария развития страны, в условиях укрепления исторически сложившихся социокультурных институтов, задающих в институциональном плане определенный коридор возможных решений по

совершенствованию управления природоохранной деятельностью на всех уровнях территориальной организации. Наиболее сложную проблему при таком сценарии представляет экомодернизация, поскольку сама модернизация предполагает в своей основе институциональные изменения, которые сегодня приходится разрабатывать и реализовывать в рамках достаточно ограниченного диапазона выбора приемлемых решений. Поэтому, так важно институционально конкретизировать сегодня все шире используемое понятие консерватизма, включая в него образы успешной модернизации и формализуя культурные доминанты устойчивого развития как страны в целом, так и локальных территорий.

Целесообразно, рассматривая любое институциональное заимствование как из собственной истории, так и из чужого опыта, выявить, насколько исторически обусловленный путь и сложившийся тип личности ограничивает и регламентирует институциональные изменения в аспекте экомодернизации, иными словами, определяет диапазон выбора социокультурно приемлемых решений на всех уровнях территориальной организации и возможность ее институционального расширения в связи с будущим постиндустриальным переходом, а также что для этого надо сделать, не утратив культурной идентичности и самобытности.

Следует учитывать, что культурные индексы не являются вечными, хотя и изменяются весьма медленно; в последнее время наблюдается ускорение темпов их корректировки. Например, представления людей о развитии в Южной Корее, обладающей одной из наиболее динамичных экономик в мире, сегодня весьма отличаются от ситуации в Северной, хотя еще немногим более полувека назад это было единое общество. Поведенческие установки жителей Федеративной Республики Германии сегодня существенно отличаются от Германии начала XX века.

Признавая в вопросе развития институциональных систем ограниченность конструктивистских решений [45, 46], тем не менее, следует признать принципиальную возможность расширения институциональной колеи, несмотря на инерционность этого процесса. Даже общий анализ значений и динамики перечисленных выше социокультурных индексов позволяет констатировать, что для России интересен опыт и лучшие практики стран

постсоветского пространства, Восточной и Центральной Европы. Важен и опыт стран БРИКС, где в последние десятилетия системно проводится культурная модернизация, затрагивающая отношения «Общество — Природа», предполагающая как укрепление традиционных культурных кодов, так и отказ от тех из них, которые тормозят модернизационные процессы⁷³. Так, весьма показательны количественные индикаторы выполнения Стратегии культурной модернизации в Китае, среди которых 24 индикатора оценки и 30 индикаторов мониторинга культуры; наибольший интерес представляют такие индикаторы, как индекс модернизации в культурной жизни, уровень культурной конкурентоспособности и индекс культурного влияния [31].

Россия (как, впрочем, и другие страны) не сможет двигаться в будущее вне глобального социума и единых (модернизационных в своей основе) трендов развития глобальной мир-системы, являясь составляющей Globalshaft (нем.). Изменения в мир-системе так или иначе определяют общее направление изменений в его подсистемах, цивилизационных и страновых, и необходимо, чтобы такое развитие было устойчивым на всех уровнях территориальной организации. С позиций экологии и долгосрочных интересов страны важно, чтобы новый этап развития был устойчив и реализован с наименьшими природоохранными ущербами и повышением качества жизни. Поэтому этнометрические исследования применительно к экологической устойчивости и природоохранной деятельности, предполагающие регулярное, по сути мониторинговое, измерение социокультурных индексов, целесообразно включить в методологию программно-целевого природоохранного управления на всех уровнях государственного регулирования.

⁷³ <http://userdocs.ru/pravo/144175/index.html>

CONCLUSION

A theoretical analysis of the character of socio-cultural orientated institutional development in the environmental sector that can be measured using the six cultural indices devised by Geert Hofstede, with the addition of another, known as the «stability of property rights», enables one to gain a greater understanding of the basis of environmental practice, to evaluate the influence of culture in resolving ecological problems, to refine and broaden ideas on institutional constraints and development trends in environmental institutional systems. On such a basis, it is possible to devise a range of practical solutions to implementing resource management.

In fact, in order to increase the effectiveness of environmental institutes in any culture, one has to find an answer to the question of what kind of innovative systems need to be put in place that enable judgements to be made on the success of proposed institutional changes. Consequently, a suite of ethnic measures has to be the most important element of a socio-cultural methodology for effective environmental management [35, 44–46] in that this allows a realistic assessment to be made of the influence of socio-cultural factors on the development of institutional systems in the environmental sector, as well as highlighting the effect of cultures on environmental sustainability. More importantly, the use of socio-cultural indices will provide an a priori value of a specific culture as a factor that sets the development trend and the constraints involved in choosing various practical responses to institutional or organisational change in the environmental field.

The dependence of environmental and institutional changes on cultural indices is very general in nature. Consequently, using a universal value scale to evaluate human behaviour should be treated with a degree of caution. In each specific case, it is advisable to go back to basics and treat cultural measurements merely as indicators, which help in assessing culture as a means of improving decision-making. It is important to note that socio-cultural indices themselves cannot predict a person's behaviour given their own individual

personality traits. Significant regional differences in socio-cultural conditions across Russia should be borne in mind, in particular the global process of growing behavioural differences between those who live in large towns (post-industrial trends) as opposed to in rural areas.

In practical terms, this involves including a special set of indicators as part of the toolkit in environmental management plans, within which the following indices devised by Geert Hofstede are particularly important, namely «power distance» (PDI); «uncertainty avoidance» (UAI); «individualism versus collectivism» (IDV); «masculinity versus femininity» (MAS); «long-term orientation» (LTO); «indulgence versus self-restraint» (IVR); supplemented by «stability of property rights» (SPR). Their use can be an opportunity to raise the quality of a priori choices for the importation of environmental institutes, taking account of socio-cultural conditions within a country and its regions, where states sign up to international agreements to develop an appropriate roadmap.

There is little in the numerous studies on the characteristics of Russia or Russian society which distinguishes the nature of institutional matrices, cultural indices, the public's mind set or behaviour. As Auzan and others [11, page 82] quite rightly say, there is widespread consensus among specialists, irrespective of their worldview, on the special nature of the «Russian way» and the «Russian type» that derives from the former. This is despite the fact that culture in modern-day Russian society is heterogeneous, displaying elements of pre-revolutionary Russian culture, which became directly influenced by the Soviet system and Soviet culture, and ultimately those elements derived from Western economic culture.

It is clear that in the years to come, the planning and design of the development of a system of environmental institutes in Russia will take place against a background of conservative growth in the country, as well as a strengthening of historically-based socio-cultural institutes, whose institutional plans include a solid base for devising potential solutions for improving environmental management at all levels within area organisations. A more complex issue that needs consideration within this context is that of eco-modernisation in as far as this goes to the very heart of institutional change, which today needs to be developed and undertaken within the constraints of a range of practical response

options. Consequently, it is now important to develop a wider understanding of conservatism, which includes ways of successfully updating and formalising cultural determinants of sustainable development within local areas and the country itself.

It is worth considering how, by drawing on the lessons from our own history and on the experiences of others, we can explain just how far a historically developed pathway and personality type can limit and regulate institutional changes in the eco-modernisation field. In other words, how all this determines the choice of practical socio-cultural responses at each regional organisation level, as well as the possibility of its institutional expansion as part of future post-industrial change. All this should be achieved without losing our individual cultural values and identity.

It should be noted that cultural indices are not timeless, albeit being prone to very slow change. In recent times, however, there has been an observed increase in their rates of change. For example, people's perception of growth in South Korea, one of the world's most dynamic economies, is today quite different from the situation in the North, despite the fact that they were one nation more than half a century ago. Behavioural patterns of people in the Federal Republic of Germany are substantially different from those prevalent in Germany at the beginning of the 20th century.

Whilst acknowledging the issue of the development of institutional systems that limit the range of constructive decisions [45, 46], one should nevertheless recognise the major potential of broadening the institutional track, despite the sluggish nature of the process. Even a general analysis of the significance and dynamics of the aforementioned socio-cultural indices is enough for us to conclude that Russia has an interest in the experiences and best practice of post-Soviet countries in Eastern and Central Europe.

The experiences of the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) are particularly important where, in recent decades, a systemic cultural modernisation has taken place, which has impinged on «Society and Nature». This has been seen as having strengthened traditional cultural codes as well as a rejection of those who are getting in the way of modernisation pro-

cesses⁷³. Very revealing are the quantitative indicators involved in implementing China's Cultural Modernisation Strategy, which includes 24 value indicators and 30 indicators covering cultural monitoring. Those of most interest are indicators such as the index on modernisation in a cultural society, a level of cultural competitiveness, and an index on cultural influence.

In future, Russia (as well as other countries I might add) cannot move forward outside of a global society and specific (modern in principle) growth trends in a global world system, *Globalschaft*. One way or another, changes in a world system determine the general direction in its civilised and national sub-systems. It is vital that such development is sustainable at all regional organisation levels. From an ecological perspective and in the country's long-term interests, it is important that the next stage of growth is sustainable and is achieved with minimal environmental impact, thereby creating a better quality of life. Consequently, research into ethnic measurements in relation to ecological sustainability and environmental practice should involve regular measuring (including monitoring) of socio-cultural indices, and incorporated within an appropriate methodology of target-driven environmental management at all levels of Government regulation.

⁷³ <http://userdocs.ru/pravo/144175/index.html>

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан, А.А. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов [Электронный ресурс]: расшифровка лекции НАБ РК, 24.05.2013 / А.А. Аузан. — Режим доступа: <http://www.msu.kz/information/auzan.php>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
2. Бердяев, Н.А. Царство Духа и царство Кесаря, Дух и реальность / Н.А. Бердяев. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006.
3. Бернар, А.Л. Душа денег / А.Л. Бернар. — М.: Олимп; АСТ; Астрель, 2007.
4. Бессонова, О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ / О.Э. Бессонова, ИЭОПП. — Новосибирск, 1997. — 76 с.
5. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский; отв. ред. А. Л. Яншин. — М.: Наука, 1991.
6. Войтов, А. Г. Экономика. Общий курс (фундаментальная теория экономики): учебник / А.Г. Войтов. — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2010. — 594 с.
7. Вольчик, В.В. Роль групп специальных интересов в поиске путей эволюции российского института власти-собственности / В.В. Вольчик // Постсоветский институционализм — 2007: варианты институционального развития России: предпосылки, закономерности, перспективы: сборник статей / под ред. Р.М. Нуреева. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. — С. 22 – 35.
8. Грачев, М. Менеджмент в «международной системе координат» / М. Грачев // Экономические стратегии. — 1999. — № 2.
9. Грачев, М. Пятипроцентный элемент / М. Грачев, С. Филонович // Эксперт. — 2000. — № 25.
10. Дернинг, А. Задаваясь вопросом: где мера достаточного / А. Дернинг // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. М. — Бостон, 1992. — С. 218—240.
11. Доклад «Культурные факторы модернизации» [Электронный ресурс] / А.А. Аузан [и др.]. — М., СПб., 2011. — 221 с. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/kulturnye_factory_modernizacii.pdf, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

12. Инглхарт, Р. Культура и демократия / Р. Инглхарт // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М., 2002. — С. 126.
13. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Венцель. — М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
14. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Электронный ресурс] / Р. Инглхарт. — Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingheart_Postmodern.pdf, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
15. Институциональные ограничения экономической динамики / науч. ред. В.А. Тамбовцев. — М.: ТЕИС, 2009. — 524 с.
16. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. — 2-е изд, перер. и доп. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
17. Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах / В.О. Ключевский.— М.: Мысль, 1993.
18. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л.В. Куликова. — М.: Флинта: Наука, 2009.
19. Латов, Ю.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда / Ю.В. Латов, Н.В. Латова // Мир России. — 2007. — № 4.
20. Латов, Ю.В. Региональная дифференциация и перспективы изменения российской хозяйственной культуры [Электронный ресурс] / Ю.В. Латов, Н.В. Латова // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие». — 2007 г. - С. 113—125. — Режим доступа: http://conf.hse.ru/2007/kniga2_2007, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
21. Латова, Н. В. Восточнославянские страны на ментальной карте мира по Г. Хофстеду / Н. В. Латова, В. Ю. Латов // Наук. пр. Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. — Вип.38—1. — Донецьк: ДонНТУ, 2010.
22. Латова, Н.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне [Электронный ресурс] / Н.В. Латова, Ю.В. Латов. — Режим доступа: <http://ethnometr.parod.ru/ment.doc>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
23. Латова, Н.В. Этнометрические измерения: теория и практика [Электронный

- ресурс] / Н.В. Латова // Социология 4М. 2003. — № 17.— С. 142–166. — Режим доступа: <http://ethnometr.narod.ru/4M.doc>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
24. Лебедева, Н.М. Ценности культуры и развитие общества / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 527 с.
25. Лурье, С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С.В. Лурье. — 2-е изд. — М., Аспект Пресс, 1998.
26. Моисеев, Н.Н. Время определять национальные цели / Н.Н. Моисеев. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. — 256 с.
27. Наумов, А. Хофстедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) / А. Наумов // Менеджмент. — 1996. — № 3. — С. 70–103.
28. Нефедов, С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние / С.А. Нефедов // Вопросы истории. — 2002. — № 11.
29. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.— 180 с.
30. Норт, Д. Функционирование экономики во времени [Электронный ресурс]: Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года) / Д. Норт. — Отечественные записки. — 2004. — № 6. — Режим доступа: URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/6/2004_6_12-pr.html, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
31. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 — 2010) : пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тогунян. — М.: Изд-во «Весь мир», 2011. — 256 с.
32. Олейник, А.Н. Институциональная экономика / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М., 2002. — 416 с.
33. Паин, Э.А. Особый путь России: инерция без традиций / Э.А. Паин // Знамя. — 2008. — № 8.
34. Плискевич, Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации / Н.М. Плискевич // Мир России. — 2006. — Т. XV. — № 3.
35. Природоохранные институты в современной России / НИПИ «Кадастр»; науч. ред. Г.А. Фоменко. — М.: Наука, 2010. —447 с.
36. Проект эффективного природопользования (становление и развитие системы комплексного управления природопользованием Ярославской области). —Ярославль: НПП «Кадастр», 1996. — 78 с.

37. Рулан, Н. Юридическая антропология: учебник для вузов: пер. с франц. / Н. Рулан; отв. ред. В.С. Нерсисянц. — М.: НОРМА, 1999. — 310 с.
38. Тобин, Дж. Теорема о «невидимой руке» должна быть модифицирована / Дж. Тобин // Реформы глазами российских и американских ученых / под ред. О. Т. Богомолова. — М.: РЭЖ, Фонд «За экономическую грамотность». — 1996. — 273 с.
39. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. — М.-СПб., 1995.
40. Тромпенаарс, Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хампден-Тернер. — Минск, 2004.
41. Уайт, Г. География, ресурсы и окружающая среда: пер. с англ. / Г. Уайт. — М.: Прогресс, 1990. — 544 с.
42. Уфодайк, Нзубе. Теория культурного разнообразия [Электронный ресурс] / Нзубе Уфодайк. — Режим доступа: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/teoriya-kulturnogo-raznoobraziya>, свободный. — Загл. с экрана. —Яз.рус.
43. Фоменко, Г.А. Анализ выбора водоисточников жителями и его роль в планировании водоснабжения на селе / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко // Социокультурная методология охраны окружающей среды / под ред. Г.А. Фоменко. — Ярославль: НПП «Кадастр», 2001. — С. 36–49.
44. Фоменко, Г.А. Институциональные ограничения и регламентации управления природоохранной деятельностью / Г.А. Фоменко // Проблемы региональной экологии. – 2012. - № 6.- С. 208–216.
45. Фоменко, Г.А. Институциональные факторы импортирования природоохранных институтов: на примере механизмов стимулирования сокращение выпуска экологически неблагоприятной продукции / Г.А. Фоменко, В.Г. Фоменко // Формирование и реализация экологической политики на региональном уровне: материалы VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 24 – 25 октября 2013 г. / под науч. ред. Г.А.Фоменко — Ярославль: Изд-во Академии Пастухова, 2013. — С. 216–222.
46. Фоменко, Г.А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии / Г.А. Фоменко. — М.: Наука, 2004. — 390 с.
47. Фоменко, М.А. Город для женщин и детей — новый подход к планированию устойчивого развития городских поселений / М.А. Фоменко, Х.Ю. Таурит // Труды Международного форума по проблемам науки, техники и образования / под ред.

В.П.Савиных, В.В.Вишневого. — М. 1997. — С. 29—31.

48. Фоменко, М.А. Местные программы действий в сфере природопользования для устойчивого развития / М.А. Фоменко. — Ярославль: НПП «Кадастр», 2001. — 160 с.

49. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. — М.: Ладомир, 2004. — 384 с.

50. Ядов, В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества / В.А. Ядов // Россия реформирующаяся. — М., 2002. — С. 349—363.

51. Якушкин, Е. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия / Е. Якушкин // ЭО. — 1891. — № 2. — С. 3.

52. Яницкий, О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» / О.Н. Яницкий // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. Вып. 4 / под общей ред. Т.И.Заславской. — М., 1997. — С. 37—48.

53. Яницкий, О.Н. Экологическая политика в «обществе всеобщего риска» / О.Н. Яницкий // Евразия. Природа и люди. —1997. — № 2-3. — С. 2-6.

54. Arthur, Jeffrey. Effects of Human Resource Systems on Manufacturing Performance and Turnover / Academy of Management Journal. — 1994. — Vol. 37, No. 4. — P. 670—687.

55. Baumast Annett. Environmental Management Systems and Cultural Differences An Explorative Study of Germany, Great Britain, and Sweden. DISSERTATION der Universität St. Gallen, Hochschule für WirtschaftsRechts- und Sozialwissenschaften (HSG) zur Erlangung der Würde einer Doktorin der Wirtschaftswissenschaften vorgelegt von aus Deutschland Genehmigt auf Antrag der Herren Prof. Dr. Thomas Dyllick-Brenzinger und Prof. Dr. Winfried Ruigrok. Dissertation Nr. 2659. Maus Druck & Medien, Konstanz 2002.

56. Beck, U. Risk Society. Towards a New Modernity. — L., 1992.

57. Bond, M. H., Leung, K., Au, A., Tong, K. K., Reimel de Carrasquel, S., Murakami, F., et al. Culture-level dimensions of social axioms and their societal correlates across 41 cultures. Journal of Cross-Cultural Psychology, 2004. — 35. — P. 548—570.

58. Coughlin, Richard M. (ed.) Morality, Rationality, and Efficiency: New Perspectives on Socio-Economics 1990, New York: M.E. Sharpe, 1991.

59. David, P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. — 1985. — V. 75, № 2.

60. David, P.A. Path Dependence, its critics, and the quest for 'historical economics. - Stanford, CA: Economics Department, Working Paper No. 00-011. 2000.

61. Dr. Ann M. Hackert, Dr. Dennis Krumwiede, Dr. Joanne Tokle, Dr. Robert J. Vokurka. GLOBAL CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY PRACTICES AND CULTURAL DIMENSIONS. Paper for the 2012 SAM International Conference. March 30–April 1, 2012.
62. Etzioni A., Lawrence P. (eds.). Socio-Economics: Toward a New Synthesis. — New York: M.E. Sharpe, Inc, 1990.
63. Etzioni, A. «The Attack on Community: The Grooved Debate» Society, Volume 32, No. 5, (July/August 1995). — P. 12–17.
64. Etzioni, A. The Moral Dimension. — New York: The Free Press, 1988.
65. Frank, A.G. The Thirteenth Century World System: A Review Essay Journal of World History. — 1990. — Vol. № 1, № 2, Autumn.
66. Freimann, J. Betriebliche Umweltpolitik (Corporate Environmental Policy). — Bern etc.: Haupt, 1996.
67. Hardin, R. The Psychology of Business Ethics, in David M. Messick and Ann Tenbrunsel, eds., Codes of Conduct: Behavioral Research and Business Ethics. — New York: Russell Sage Foundation, 1996. — P. 342–361.
68. House, R. Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE / R. House, P. Hanges // Advances in Global Leadership. — 1999. — Vol. 1. — P. 171–233.
69. Geert Hofstede & Gert Jan Hofstede [Electronic resource]. — URL: <http://www.geerthofstede.com/index.aspx>.
70. Giddens, A. The Consequences of Modernity. — Cambridge, 1992.
71. Hofstede G., Hofstede GJ, and Minkov M. Cultures and Organizations, McGraw-Hill Publishing: New York, NY, 2010. — 281 p.
72. Hofstede, G. Culture`s consequences: Intern Differences in work-related values. — Beverly Hills, L., 1980.
73. Hofstede, G. Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management.— Munchen. 1997. — S.110–113.
74. Husted, Bryan W. Culture and Ecology: A Cross-National Study of the Determinants of Environmental Sustainability. Management International Review. — 2005. — 45(3). — P. 349–371.
75. Idem. Ecological Politics in the Age of Risk. — Cambridge, 1994.
76. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. —Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1990.
77. Inglehart, R. Modernization and postmodernization: Cultural economic and political

- changein 43 societies. — L.: Princeton; N. J., Princeton University Press, 1997. — 168 p.
78. Inglehart, R. Trust, well-being and democracy. In M. Warren (Ed.), *Democracy and Trust*. — New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — P. 88–120.
79. Liebowitz, S. J. *Re-thinking the Network Economy: The True Forces that Drive the Digital Marketplace*. — New York: AMACOM, 2002. — 224 p.
80. Luhmann, N. *Risk: a Sociological Theory*. — N.Y., 1993.
81. Muchow, Marta; Muchow, Hans-Jurgen: *Der Lebensraum des Grossstadtkindes*, 2. Aufl. Bensheim, 1980.
82. Norberg-Hodge, H. *The Pressure to Modernise / The Future of Progress*. — 1996. — P. 91–120.
83. Ohmae, Kenichi. *The Mind of the Strategist*. — 1982.
84. Park, Hoon, Clifford Russell and Junsoo Lee. *National Culture and Environmental Sustainability: A Cross-National Analysis*. *Journal of Economics and Finance*. — 2007. — 31(1): 104–120.
85. Peng, Yu-Shu and Shing-Shiuan Lin. *National Culture, Economic Development, Population Growth and Environmental Performance: The Mediating Role of Education*. *Journal of Business Ethics*. — 2009. — 90. — P. 203–219.
86. Polanyi, K. *The Great Transformation*. — Boston, MA: Beacon Press, 1957.
87. *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in Modern Social Order / Ed. U.Beck, A.Giddens, L.Scott*. — Stanford, 1994.
88. Roberts, S. *Order and Dispute. An Introduction to Legal Anthropology*. — N.Y., 1979.
89. Schwartz, S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? — *Journal of Social Issues*. — 1994. — 50. — P. 19-45.
90. Schwartz, S. H. *Beyond Individualism / Collectivism: New cultural dimensions of values*. In U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S-C. Choi, & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. — Newbury Park, 1994. — P. 85–119.
91. Schwartz, S. H. *Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries*. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25) New York: Academic Press, 1992. — P. 1–65.
92. Taurit H.-J., Scholz C., Seiler C. u.a. *Freiflaechen zum Spielen in: Freiflaechen zum Spielen. Kommentar zu DIN 18 034/ Beuth Verlag Berlin Koeln*. — 1991. — S. 17–46.
93. Triandis, H. C. *Individualism and collectivism*. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1995.

94. Trompenaars, F. Riding the waves of culture: understanding diversity in Global Business. — Burr Bridge, NJ & New York, NY: IRWIN, 1994. — P. 152–154.
95. Tuvshinzaya S., Narantungalag G. Cultural Dimensions-Mongolia and China. Marketing communication and competition. — Praha: Professional Publishing, 2007. — P. 150–158.
96. Vachon, S. International Operations and Sustainable Development: Should National Culture Matter? Sustainable Development. — 2010. — 18. — P. 350–361.
97. Williams, Geoffrey and John Zinkin. The effect of culture on consumers' willingness to punish irresponsible corporate behavior: applying Hofstede's typology to the punishment aspect of corporate social responsibility. Business Ethics: A European Review. — 2008. — 17(2). — P. 210–226.

Фоменко Георгий Анатольевич

**Социокультурное измерение развития природоохранных
институтов**

Корректор — Л.С. Кокина

АНО НИПИ «Кадастр»
150043, Ярославль, ул. Розы Люксембург, 22
e-mail: kad@yareoslavl.ru
тел./факс (4852) 75-76-46

Бумага офсетная 80 г/м²
Формат 70x100/15
Печать цифровая
Подписано в печать 0 .06.2014.
Тираж 300 экз. Заказ №26/14

Отпечатано:
Полиграфия СМУК. (ООО «ЦМИК»)
150014, г. Ярославль, ул. Победы, д. 51, кор.2
Тел.: (4852) 200-121 www.yarcmyk.ru